

A close-up portrait of a female cyborg wearing a space helmet. The helmet's visor is transparent, revealing her human-like face with blue eyes and a serious expression. The helmet's interior and the background are illuminated with a warm, orange-gold light, suggesting a space station or spacecraft environment. The cyborg's suit is metallic and highly detailed with various mechanical components.

МАКСИМОВНА И ГУМАНОИДЫ

ШЛЯПИН АЛЕКСАНДР

Александр Шляпин

Максимовна и гуманоиды

«Издательские решения»

Шляпин А.

Максимовна и гуманоиды / А. Шляпин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749165-9

Если гроб стал частью домашнего антуража — не спеши умирать! Судьба может повернуться таким образом, что друзья соберутся не на твоих похоронах, а на твоей свадьбе... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749165-9

© Шляпин А.
© Издательские решения

Содержание

МАКСИМОВНА И ГУМАНОИДЫ	6
КОСМИЧЕСКО – ЭРОТИЧЕСКО БОЕВИК	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ОНО И СЛУЧИЛОСЬ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	14
МЕТАМОРФОЗЫ	14
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	18
ВОЗВРАЩЕНИЕ	18
ГЛАВА ПЯТАЯ	25
КАК КОЛЯ ШУМАХЕР ИНОПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ НА МЕТАЛЛОЛОМ СДАЛ	25
ГЛАВА ШЕСТАЯ	28
ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ	28
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	35
ПОБЕГ	35
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	40
ЭРОТИЧЕСКАЯ	40
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	44
ПАСПОРТ	44
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	46
СУХОЙ ЗАКОН	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максимовна и гуманоиды

Александр Шляпин

Дизайнер обложки Александр Шляпин

© Александр Шляпин, 2024

© Александр Шляпин, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-9165-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАКСИМОВНА И ГУМАНОИДЫ

КОСМИЧЕСКО – ЭРОТИЧЕСКО БОЕВИК

История эта о том, как в одночасье деревня Горемыкино становится центром встречи землян с пришельцами планеты «Нубира».

Одинокой старухе по имени Мария Максимовна Балалайкина, повезло встретиться с представителями иной цивилизации. По стечению обстоятельств разведывательный инопланетный корабль с планеты «Нубира» сталкивается с линией электропередач. В результате короткого замыкания НЛО временно выходит из строя, и падает на огород к одинокой старухе.

Максимовна, увидев непрошенных гостей, принимает их за воров овощей. Она еще не знает, что это инопланетяне, но характер и натура лидера, толкает её на защиту своего урожая. Еще мгновение, и планета Земля может полыхнуть в пламени межгалактической войны. Во время штурма «захватчиков», Максимовна неожиданно – нежданно становится обладателем боевого трофея – это священный символ межгалактической власти.

Нубирит (молодырь) – «символ вселенской власти». Камень имеет чудодейственные свойства: старым он дает молодость. Молодых сохраняет от старости, а его гипнотическая сила, может покорить целые цивилизации. Инопланетяне, столкнувшись с невиданной «агрессией» землян спасаются бегством, и улетают в космос, чтобы вернуться, и погрузить Землю в пламя межгалактической войны. Максимовна, как по велению волшебной палочки обретает молодость, и решает прожить жизнь на всю катушку. Что из этого получилось, читатель узнает, прочитав этот юмористический роман...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОНО И СЛУЧИЛОСЬ

...случилась это еще в октябре – за три месяца до нового года. Героине этой удивительной истории в виду своего восьмидесяти шестилетия было совсем не до предстоящих праздников. То ли предчувствие конца света, то ли предчувствие собственной кончины, толкнуло её совершить ту безрассудную покупку, которая и стала отправной точкой, начавшейся фантастической истории.

Обожженный паяльной лампой и покрытый особым мебельным лаком сосновый гроб, приобретенный у деревенского столяра Мирона, стал для Максимовны последней покупкой, которую она совершила в теле немощной старухи.

Водружая его на чердак, Балалайкина обнаружила там старый и потрепанный журнал «Огонек». На обложке бывшего коммунистического «рупора», красовалась всем известная цветная фотография первого космонавта Юрия Гагарина. Максимовна присев у окна, на какой —то миг отключилась от реальности. Она сама того не замечая, погрузилась в омут былых воспоминаний тех счастливых дней, когда она была молодой, красивой и до безумия желанной. Ходики на её стене уже давно отсчитывали двадцать первый век, но душа – душа жила теми днями, когда она была здорова и крепка телом.

В момент ностальгирования, непонятный треск и сноп искр, который исходил с улицы, заставил Максимовну отвлечься. Отодвинув занавеску, она чуть ни лишилась дара речи. Чистой воды «Армагеддон» почти стучался к ней в окно.

Там в проводах линии электропередач, которая проходила невдалеке от деревни, запуталось нечто такое, от чего её мозг начал сдавать сбои. Несколько секунд предмет больше похожий на оцинкованный таз из деревенской бани осыпало искрами и трясло разрядами тока. Он трещал. Он гудел, как трансформатор электросварки. Магниевые искры летели во все стороны, словно это был огромный новогодний фейерверк. В какой—то миг «тазику» удалось вырваться из объятий высокого напряжения, и он упал на землю. Словно огромное колесо НЛО, покатилося с горы в направлении дома. Казалось, что вот— вот и металлическая громадина снесет старенькую хатку, оставив на её месте грудку раскуроченных бревен. Максимовна даже зажмурилась. Но в этот миг, «тарелка» подмяв под себя дощатый забор, завалилась на «брюхо». Дым рассеялся. Сквозь кухонные стекла Максимовна увидела мерцающий огнями неопознанный летающий объект, который лежал в огороде посреди грядки с капустными кочанами, испуская струйки сизого дыма.

Вдруг аппарат инопланетного агрегата с шипением открылась. Сердце старухи затрепетало от вброса адреналина. Яркий белый свет залил окрестность. Она увидела их. Это были самые настоящие инопланетяне – марсиане или лунатики, о которых столько писали в газетах и журналах. Да это были реальные пришельцы чужой цивилизации. Два существа с тонкими длинными ручками, были похожи на людей больных дистрофией. Они выползли из агрегата, и, глотнув, воздух чужого отечества, тут же были сокрушены ударной дозой деревенского кислорода.

«Что бляха медная, – сдохли, – сказала сама себе Максимовна, – Так вам и надо – басурмане вы хреновы»...

Гости планеты немного полежали, пока не очухались. Достав какой—то странный прибор, они принялись чинить «тарелку», торкая длинный металлический шнурок в различные места «поджаренного» электрической дугой НЛО.

Пришельцам так пришлась по вкусу земная атмосфера, что они скинули с себя скафандры, представ перед взором Максимовны, в истинном инопланетном облики.

Бабская природа при виде особей мужского пола, пришла в восторженный трепет.

«Ха, так енто же мужики – мать их ети», – сказала она в голос, увидев между ног гостей странные отростки, которые больше напоминали грибы опята. Органы размножения инопланетян странно светились, словно «лампочки» на удочке удильщика, и вызывали неприятные ощущения.

Пришельцы, ничего не опасаясь, словно у себя дома, несколько раз обошли аппарат. Они ощупали его потрепанные электричеством бока, и убедившись в его целостности и исправности, перенесли взор на диковинные для них растения, которые торчали из матушки Земли в виде капустных кочанов.

– Борщ – орщ – орщ, – сказал один из гуманоидов.

– Щи – щи – щи, – ответил другой, одобрительно покачивая головой.

Максимовна глубоко вздохнула и обратилась к кошке:

– Смотри Мурка, сейчас наш урожай начнут коммуниздить! Чего только не придумают эти городские гомосеки, лишь бы у народа его кровное прихватизировать. Вчера ось на машине милицейской приезжали. Сегодня пришельцами прикидываются. Вот я им бляха медная, сейчас устрою голубцы в сметане...

Жаба проснулась в груди старухи, и тут же схватила её за горло. Максимовна взяла ухват, который стоял возле русской печи, и тихо, вышла на улицу.

Над деревней, словно лампочка «Ильича» висела полная Луна. Было видно всё – как на ладони. Словно призрак, прячась за сараем, она короткими перебежками, подкралась на дистанцию внезапного броска.

Ночь, как всегда была тиха и безветренна, словно по Гоголю. Где— то вдалеке из сельского клуба доносилась легкая музыка, да разноголосье пьяной молодежи. На другом конце села, чуть слышно играла гармонь. Ничего не предвещало о предстоящем межгалактическом конфликте.

– Хенде хох!!! – проорала старуха. – Что бляха медная, скотобаза ваша мать – не ожидали!?

Внезапность, напор, и бесстрашие старухи, ввергли пришельцев в полный ступор. В пылу атаки, бабка подхватила гуманоида на ухват, и слегка приподняла его, словно охапку сена. Гуманоид что—то закричал. Болтая ножками, он устрашающе стал вращать грибообразным «светляком», стараясь напугать Максимовну. Но все его усилия были тщетны. Попытки вырваться из рук бывшей партизанки, терпели фиаско. Окрыленная победой Максимовна, крепко держала внеземного агрессора на ухвате, и улыбалась, обнажив единственный во рту зуб.

– Загрызу гадина, – сказала она, выпучив для убедительности глаза.

Второй гуманоид внезапно выскочил из-за неопознанного объекта. Увидев своего соплеменника в позе распятого «чугунка», он бросил сорванный кочан, и, выхватив «бластер», как звезданет в сторону Максимовны пучком лучистой энергии – её чуть не схватил «кондрат».

Голубая молния вылетела из «вундервафли», и попала в черенок ухвата. Ослепительно синее пламя, словно змея, обвила деревянную палку, и, разбрасывая искры, разрубила черенок в нескольких местах. Пришелец пал на грядку, а старуха парализованная неземным оружием, на какое— то мгновение, окаменела среди кочанов в позе гипсовой фигуры Ильича, которая стояла возле правления колхоза.

Ошеломленные представители чужой цивилизации, похватав пожитки, вползли обратно в «тазик». Через мгновение, вся эта металлического цвета конструкция, бесшумно поднялись над деревней, и странно присвистнув, скрылась в далеком космосе.

Максимовна скованная невиданной космической силой, простояла среди огорода до самого утра, пока солнце не появилось над горизонтом. Вскоре оцепенение покинуло её тело, и старуха глубоко вздохнув, завалилась на землю:

«Вот же басурмане! Еще раз бляха медная, сунетесь, я вам роги то поотшибаю», – сказала она, разминая затекшие за ночь ноги.

Старуха подняла остатки утвари, и в этот миг её глаз поразила удивительно светлая искра. Она увидела нечто такое, что одномоментно перевернуло её жизнь с ног на голову. На ржавых вилках ухвата, висела золотая цепочка, на которой болтался невиданной красоты огромный лучезарный кристалл, вправленный в филигранную и замысловатую оправку.

Максимовна, как обыкновенная советская женщина не могла пройти мимо такой драгоценной находки. Радостно улыбаясь, она тут же нацепила его на шею.

«А ну и хрен с ним, с ухватом этим», – сказала сама себе Максимовна. – «Сколько мне той жизни— то осталось? И как говаривал наш председатель колхоза: если счастье лезет вам в подхвостье, не стоит отталкивать его ногой».

Так и начались в деревне Горемыкино невиданные приключения инопланетного характера.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

...ночью у старухи страшно разболелся последний зуб, которым она собиралась загрызть инопланетянина. Боль донимала её до самого утра. И лишь забрезжил рассвет, а стрелки ходиков приблизились к восьми часам, дверца на часах открылась. Деревянная кукушка, высунувшись из «скворечника», восемь раз провопила:

«Ку— ку, ку— ку, ку— ку, ку— ку»...

— Хрен тебе в руку – ку— ку, ку— ку, – передразнила старуха кукушку. После чего, натянув чистые панталоны с начесом, направилась через всю деревню на фельдшерский пункт.

— Здравствуйте, – улыбаясь, сказала фельдшерица, увидев первого пациента.

— Ну, здоров – коли не шутишь, – ответила Максимовна.

— Что болит у вас бабушка?...

— Жуб, – скупно ответила Балалайкина.

Фельдшер по имени «Светка— пипетка» была не из местных. Каждый день она приезжала из соседнего города, на горбатом «Запорожце», распугивая местных гусей страшным ревом выхлопной трубы. За десяток яиц, да килограмм сала оказывала она местным, страждущим здоровья, медицинскую помощь.

Её длинные спортивные ноги, четвертого размера бюст, конопатое, но не лишенное красоты лицо, стали теми «объектами», которые запустили в деревне процесс не контролируемого кобелирования.

Механизаторы, дояры и прочие одинокие самцы, жаждущие секса, почуяв природную зрелость, каждый день ошивались вокруг фельдшерского пункта, в надежде завладеть девичьей плотью.

— У меня мать его – жуб болит, окаанный! Задолбал он меня спасу нет! – сказала Максимовна, воя, словно волк в морозную стужу. – Ты мне его выдери к черту...

Фельдшерица, с видом профессора стоматологии, усадила бабку на «козла» (гинекологическое кресло), которое стояло в акушерском пункте со времен Брежнева. Наставив лупу, она заглянула старухе в рот. В тот же миг, она упала на пол вместе со стулом.

— Ну, ни хрена себе! Это бабушка, просто офигеть можно, – сказала она, выпучив глаза. Я баба Маша, такую канитель, как у вас, первый раз вижу!

— Ну, и что ты там такое видишь?..

— Вижу, что у вас растут новые зубы!..

И действительно, в глубине ротовой полости у восьмидесятилетней старухи, словно у ребенка, резались молодые белые жемчужины зубов.

Отойдя от шока «Пипетка», схватила пузырек, и накапала сорок капель валерьянки. Плюхнув в мензурку немного медицинского спирта, она выдохнула воздух, как это делают бывалые алкоголики и проглотила. Закусив лекарство соленым огурцом местного посола, она глубоко вдохнула, и умиленно прищурился глаза, расплылась в блаженной улыбке:

— Придется вам бабуля, немного здесь посидеть. Сейчас сюда главврач приедет. Он вас осмотрит, – сказала «пипетка», улыбаясь, словно новоявленный нобелевский лауреат.

Фельдшерка слегка захмелела, и, достав смартфон, ехидно улыбаясь, сказала:

— А давайте Мария Максимовна, мы с вами селфи на память сделаем... Посмотрим, сколько лайков наберет ваше фото с новыми зубами.

Старуха вспылила. Мудреные слова «селфи», «лайкнуть», запустили в её мозге образы сексуальных извращений.

– Я тебе сейчас такое селфи сделаю шалава ты беспутная!!! Лайкать тебе не захочется!!! А ну, признавайся, что ты там такое увидела!? – спросила старуха, глядя, как фельдшерица, заходила по фельдшерскому пункту, бормоча под нос, загибая при этом пальцы.

– Да, вы бабуля, не волнуйтесь! Все будет нормалёк! Подождите, сейчас, скорая помощь придет!..

– Ты мне душу—то не томи! Дери мне зуб – сучка ты рыжая, ато я тебя сейчас «конем» по-хребту заеду... Будешь потом на больничном сидеть, да валерьянку со спиртом откусывать, – сказала зло Максимовна. – А ну признавайся, что у меня!? Может, у меня рак какой, а ты это скрываешь?

– Да не переживайте бабушка, нет у вас никакого рака... А вот зубы новые у вас есть!..

– Дура! Ты Светка, совсем, умом тронулась... Мне, через четыре года девяносто стукнет. Какие, на хрен могут быть жубы!? – прошипела старуха. – Я вчера уже себе гроб купила, чтобы отойти на днях! Тебе Светка, только собак лечить! К людям и подпускать нельзя, – сказала Максимовна, и выплюнула на пол больной зуб, который неизвестно каким образом покинул челюсть старухи.

– А вот бабушка, и зубик ваш больной... Самоампутировался! – сказала фельдшерка, подняв его с пола.

– На шею его себе повесь, – зло ответила Максимовна, и слезла с «козла». – Я к тебе больше никогда не приду. Подыхать буду, а не приду...

– Желаю вам сто лет прожить, – ответила пипетка...

Обидевшись, старуха вышла из фельдшерского пункта, и уверенной поступью поковыляла в сторону деревенского «Сельпо».

Как водится в деревнях, там был пункт сбора местных деревенских «блогеров». Не доходя до магазина пару сотен метров, Максимовна обернулась, и, швырнула палку со злостью за забор. Звук разбитого стекла, заставили её включить «пятую передачу».

«Вот же черт, будто кто подменил, – сказала Максимовна про свою трость, которая верой и правдой отслужила ей больше пятнадцати лет. – Неловок, как стал – спасу нет!

Старуха еще не осознавала, что в её организме начали протекать какие—то странные и необратимые процессы, которые запустили механизм регенерации всех органов. Все её тело, словно чесалось. Мышцы наливались какой—то приятной упругостью и былой силой. С каждой минутой её поступь становилась все тверже и уверенней, а боль в коленях, которая раньше изводила старуху, куда—то исчезла. Ноги теперь не заплетались, как это было еще вчера, а шли по земле, словно и не было за её плечами прожитых лет.

Деревенские старухи собирались около «Сельпо» еще до открытия. Только здесь, можно было узнать все свежие новости, которые произошли в деревне Горемыкино, за последние сутки. Это был деревенский «информационный центр». Здесь можно было выведать все: кто с кем гуляет, кто кому изменяет, и сколько было выпито самогона и съедено огурцов на поминках у конюха Семёна.

Максимовна ввалилась в магазин, грохоча оббитой оцинкованным железом дверью, к которой была прикручена тугая пружина.

– Ну, что кобылы – здрасте вам! Что дома то не сидится, клюшки вы старые, – сказала Балалайкина. – Что хлебца свеженького захотелось? А может, мы девчонки, по сто грамм, и к мальчишкам на колхозный стан?!

– Ты, что «балалайка» умом тронулась? – спросила её Канониха. – Тебе что, ночью крышу ветром сорвало?

– Крыша Тань, моя на месте...

– А тогда, откуда ты прешься, старая перхоть, – спросила подруга.

– Ты Таня, не поверишь! Беда со мной приключилась... Зуб у меня ночью заболел! Между прочим был последний! Я с самого утра к «пипетке» с ним поперлась, – ответила Максимовна.

– А ты что протезы еще себе не ставила?! – спросила баба Клава.

– Нет! Нет у меня никаких протезов! Зуб у меня был один. Болел сильно! Не видишь, мне всё рыло на бок стянуло! – сказала Максимовна.

– Становись поперед меня, – сказала Канониха. – Я тебе место заняла – будто знала, что ты придешь...

Слегка потеснив очередь, Канониха пропустила вперед свою подругу. Она знала еще с тех времен, когда они ходили в первый класс сельской школы.

– А куды ты глиста старая, «коня» своего задевала? – спросила баба Таня.

– Ты Тань, не поверишь! Выкинула к Мирону в огород. Да видать побила ему теплицу. Я ведь с утра пришкандыбала к Светке – пипетке, да и говорю ей: Света, бляха медная – у меня зуб болит! Ты мне его тyani быстрее! Светка меня на «козла» усадила, словно у меня зубы болят не в роте, а... Ноги мне дурочка растопырила, и через лупу смотрит...

– Что прямо в... – спросила Канониха, опуская взгляд.

– Да нет же! В рот!!! «Какой вам баба Маша, зуб тянуть?! Их у вас столько – мама моя дорогая!» Мне почудилось, что фельдшерица умом поехала. Совсем шаболда, на кобелях мозги профукала...

– Глянуть дай? – спросила Канониха.

Максимовна открыла рот и Танька Канониха с любопытством, заглянула в ротовую полость.

– Што рублей мне дашь, – спросила Максимовна.

– А писюнов соленых тебе кадушку не подкинуть? Я за сто рублей, могу даже в космос слетать! Не вижу я не хрена, тут нужен кто зрячий...

– Тогда что тебе на халяву зеньки пялить?! Не видишь, горе у меня...

– Какое горе? Какое горе? – спросила Канониха. – Это разве горе?

– Зуб я Таня, последний потеряла... Теперь мне не чем даже семечки грызть, – ответила Максимовна.

Тут лицо Балалайкиной изменилось, и перекошилось на бок. Ей померещилось, что у неё во рту снова кто—то зашевелился:

– Что это бляха медная... Ой, бабаньки! У мене в роте опять что—то шевелится, – заверещала она. – Черваки меня грызут!

Баба Клава по кличке «Телескоп», подошла к своим подругам, и любопытствуя, заглянула ей в рот сквозь шестикратные линзы.

– Ты Машка, мялицу свою шире разуй! Скажи «А», – сказала Клава. – Глянуть хочу! Бреешь, наверное?

Максимовна, открыла рот, да как заорет на весь магазин:

– А— а, а— а, а— а!

В этот миг Клавка навела диоптрии, как в телескопе, и с умным видом направила взгляд прямо Максимовне в рот.

Увиденное настолько потрясло её сознание, что она не удержалась на ногах. Схватившись за стенку, Клава завалилась на пол. Ведра, стоящие на витрине, загремели. Бабы, хватаясь, кто за валидол, кто за прилавок, отпрянули от Клавы, давая ей приток воздуха.

– Дуба врезала! – завопила Канониха. – Не уверовав в чудо, верно представилась...

Максимовна склонилась над телом старухи, приложила ухо к груди. Послушала сердечные ритмы и после недолгой паузы, выдала:

– Сердце стучить! Сердечные ритмы вроде в норме. Давление – сто тридцать на девяносто...

– Батюшки господние, что это такое делается, – запричитала Клава, приходя в себя?! Валидолу мне скорее дайте, – сказала Клава «Телескоп».

– А все из – за тебя, клизма ты старая! Ты что не могла рот не открывать. Клавке ведь волноваться нельзя, – сказала Канониха, накинувшись на Максимовну. – У неё же к сердцу батарейка припаяна...

– Твоя Клава мозг нам всем пудрит! Нет у неё никакого приступа, – сказала Максимовна. – Жертвой она прикидывается...

Тут бабы загудели, словно шмели над цветочной лужайкой. Вытянув из карманов мобильные телефоны стали всем кагалом набирать номер скорой помощи. Кто кричал, что надо звонить по ноль один. Кто орал, что ноль три. Все попытки связаться с дежурным доктором приводили к полному фиаско, и как результат, к полному ступору всей сотовой связи на селе.

Балалайкина виновница приключившегося конфуза, вырвалась в лидеры. Плюнув на телефон, она открыла двери «Сельпо», и, задрав выше колен юбку, дунула в сторону дома.

– Во попёрла! Во «балалайка» поперла! Во дает, шаболда ты старая! Умчалась, словно ракета! – сказала глубоко, вздыхая Канониха. – А ты Клава, какого черта, тут в обморок падала? Народ весь взбаламутила – актриса ты хренова...

Клавка, достав из кармана таблетку валидола, положила её под язык. Баночку завязала в носовой платочек, и сунула обратно в карман «душегрейки». Слегка отдышавшись, она осмотрела переполошившихся старух, и выдала:

– Не бабы, не время мне еще помирать. Погожу малость. Хочу глянуть, как Машка своими новыми зубами будет морковку грызть и с телевизора на нас глядеть.

– Эх, ты Клава, Клава как была дурой, так дурой и помрешь! – сказала Канониха. – Какие в её годы могут зубы?...

– Молочные, – кто–то крикнул из очереди.

Старухи звонко засмеялись.

Клава «Телескоп» приподнялась с пола, и стукнув Канониху посохом сказала:

– Вот крест святой! Заглянула ей в рот, а там по деснам зубы новые режутся. Настоящие зубы... А может то имплантаты какие?

С того дня Максимовна, стала объектом пристального внимания односельчан.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕТАМОРФОЗЫ

С каждым часом на лице Максимовны становилось все меньше и меньше морщин. Они будто разглаживались, прижатые горячим утюгом. Седые и редкие волосы странным образом наливались здоровьем и блеском, приобретая приятный золотистый оттенок.

Все эти метаморфозы с телом настолько беспокоили старуху, что она стала бояться выходить из дома. На третий день после победы над «внеземным разумом», седина на её голове совсем исчезла. Рот Максимовны заблистал белоснежной «голливудской» улыбкой. Глядя на себя в зеркало, «старуха» перестала сама себя узнавать. Её жизненный век по каким-то неизвестным причинам начал стремительный отсчет в обратную сторону. От таких перемен у неё даже захватывало дух. Еще вчера, кожа на её руках была дряблая, и до ужаса тонкая. А сегодня – сегодня она дышала молодостью и первозданной красотой, как в те годы, когда она ходила в девках. Последнюю ночь стали ей сниться удивительные сны. Такие сны обычно снятся тогда, когда молодость и жажда любви ежеминутно будоражат женскую плоть. Эти природные инстинкты с каждым часом всё больше и больше стали доводить старуху, стараясь разорвать её сердце любовной страстью.

На третий день, после очередного эротического сновидения, Максимовна вскочила с кровати, и взглянула на себя в старинное трюмо. Там, в жалком и холодном куске стекла, стояла не старая кляча, а очаровательная молодуха – лет двадцати пяти. Максимовна не поверила глазам. Она скинула с себя льняную самотканую рубаху, и в этот миг увидела «возродившееся тело».

Её молочные железы, ранее напоминавшие «крымские чебуреки», стали вдруг аппетитными и упругими, словно были половинками сочного яблока. Они приятно высились на её груди, придавая образ объекта для вдохновения художникам, поэтам и тем, кто жаждал любви и кипучей страсти. Кожа стала упругой и бархатной, а ноги, несколько лет страдавшие подагрой, выправились так, что даже шишки на её суставах бесследно рассосались.

«Боже, праведный – что это, – промолвила Максимовна себе под нос. – Это как так получается?!» – хотела в голос спросить себя Балалайкина. Но в этот миг, её рот выдал удивительно чистый и приятный уху звук. Тот звук, который был у неё в те времена, когда она была молода и хороша собой.

Собственный голос настолько перепугал старуху – молодуху, что от страха она закрылась в хате на все засовы. Занавесив все окна старыми одеялами, она спряталась за стенами, чтобы здесь в тишине, пережить свалившиеся на неё природные изменения.

«Боже мой! Стыд – то какой! Бабы своим глазам не поверят» – сказала Максимовна, расхаживая по дому в обнаженном виде.

В этот миг она поняла, что её новый образ начинает нравиться ей, больше, чем, то старое и разбитое болезнями тело. Целый день она любовалась своей обновленной фигурой, которая прямо на её глазах набирало необычайную сочность и сексуальную привлекательность. Ягодичный отдел приятно округлился, а тело вытянулось, словно морковка сорта амстердамская.

Недельное отсутствие Максимовны в селпо, насторожило в округе всех местных жителей. Недобрый слухок о покупке гроба, который пустил столяр Мирон, прокатился по всей деревне и оброс такими деталями, что народ понял – Максимовны больше нет.

Не дожидаясь скорбных новостей, бабы решили, всем пенсионным коллективом идти к Балалайкиной, чтобы как подобает, достойно придать её тело матушке земле. Опираясь

на свои палки и трости, старухи, словно лыжная сборная, дружно двинулись по улице в сторону её дома.

Канониха, вырвалась в лидеры. Она шла первая, увлекая за собой рыдающий, и исходящий соплями коллектив. Приблизившись к хате, она стала стучать клюкой по стенам, чтобы якобы «пробудить» хозяйку.

– Эй, старая, открывай! – вопила она, и била палкой по срубам. – Ты жива ты, ты не? – продолжала орать Канониха, переходя местами на истерику и ядреный мат.

Со всей силы, она грохотала в дверь дома и каждый раз, приставив ухо к дверному косяку, прислушивалась к любым шорохам. Но все было таинственно тихо.

Машка, отодвинув шторку, увидела, что возле её дома собрались гости. Позади перепуганных баб, шелкая семечки, стояла «бригада» местных «утилизаторов», которые подрабатывали рытьем могил, и доставкой тел усопших для упокоения.

– Ну, что баба Таня, ты будем хоронить – ты не!? – спросил Митяй, пыхтя самокруткой.

– Погодь малость, сейчас узнаем, – ответила Канониха, и еще раз стукнула палкой в стену.

Максимовна от такого грохота основательно растерялась. Она не могла себе даже представить, как выйти из этой ситуации. Была возможность спрятаться в подполье, но тогда было бы не понятно, каким образом дом был закрыт изнутри.

Вскрыв сундук, Машка вошла в него с головой. Схватив первое попавшее платье времен покорения целины, Максимовна надела его на свое обновленное тело, и накинув на плечи плащ, предстала перед зеркалом в образе девушки с пониженной социальной ответственностью, изгнанной из столицы на сто первый километр за разврат.

Теперь можно было не спешить. В таком виде её вряд ли бы кто узнал. Накрасив красным карандашом губы, Балалайкина сама себе улыбнулась, подмигнула, и, поправив налившиеся соком груди, направилась к дверям, которые уже с помощью топора и лома собрались вскрыть переполошившиеся односельчане.

– Давай Прохор, ломай – мать твою... Руби скорее, чай Максимовна, наверное, перед господом уже представилась! – орала Канониха, вытирая катившие по лицу слезы и сопля.

Прохор, поднялся на высокое крыльцо, держа в руке топор. Перекрестившись, он обернулся к народу, и словно с трибуны, сказал:

– Бабы! Бабы, да простит меня господь! Не ради любопытства праздного, а истины ради, творю я сие беззаконие! Не держите на меня зла! Участковому подтвердите, что не ради умысла злого, а ради спасения тела усопшей Марии Балалайкиной, приходится мне портить частную собственность.

Только он замахнулся, чтобы ударить в дверь, как за ней послышался звук падающей утвари. Здоровый русский мат, перемешанный с проклятиями, послышался из дома. Прохор бросил топор, и, крестясь, слетел с крыльца, испугано глядя на воскрешение покойной.

– Свят, свят, свят, – молился он, встав на колени.

За дверью кто-то зазвенел железным засовом. После небольшой паузы она распахнулась. На пороге во всей своей красе возникла молоденькая девушка. Она грызла яблоко, и ехидно улыбалась перламутром новых зубов.

– А! Шлюха, – заорала Канониха, видя красный платок и алые, как ягоды клубники губы. Бабы в страхе отпрянули назад.

– Это кто тут шлюха? – заорала Машка, и швырнула в Канониху недоеденный огрызок: – Это я что ли шлюха?! Чего вы мою хату ломаете?! Что не видите, сплю я, – сказала Балалайкина. – Может мне участковому вашему позвонить, да сообщить о погроме?

– А ты нас участковым то не пужай! Пуганые мы! Ты откуда такая здесь взялась, – завопила Канониха, переводя свои тощие руки в положение боксерской стойки.

Максимовна обернулась. Она подтянула поближе к себе ухват, стоящий на всякий случай, и спустилась с крыльца. Стиснув от злости зубы, она замахнулась на митингующих, и сказала:

– Цыц – старые клячи! А ну разбежались по норам! А то я вам сейчас бляха муха устрою бойню под Фермопилами, – сказал Машка, – Эх, я сейчас вас... Ух!

Старухи крестясь, отпрянули от хаты, давая себе оперативный простор для бегства.

Канониха, была не робкого десятка, закрыв грудью баб, пошла вперед, чтобы дать достойный отпор наглой незнакомке.

– Ты, кто такая, чтоб нас тут допытывать?! – спросила она, подбоченясь.

– Я, может, быть, тут квартирую! – сказала Максимовна, видя, что её никто не признает.

– А где наша Максимовна?! Где наша боевая подруга Балалайкина?! – спросила Канониха, еще сильнее напирая на квартирантку.

– Максимовна ваша, два дня назад, укатила в район. Навсегда от вас уехала. Нашла там какого — то деда и поехала, за него выходить замуж. Меня тут на свое хозяйство кинула, чтобы такой, огузок с топором, её хату не раскрал, – показала Максимовна на Прохора, который сидел на земле, открыв рот от удивления.

– Ведь брешешь же собака! – сказала Канониха, топая босыми ногами.

Танька Канониха была из той породы русских баб, про которых еще Некрасов слагал легенды. В целях экономии, она всю жизнь ходила босиком. Обувь Канониха надевала лишь на великие праздники, и тогда, когда снег ложился на землю. Снимала, когда апрельское солнце своим теплом разгоняло зимние осадки, перетапливая их в воду. От того, в её сундуках всегда была новая обувь. Здоровье у неё было такое, что в свои восемьдесят лет, она ни разу ни чем не болела, и даже не знала, какие лекарства пьют от простуды.

– Бабы дорогие! Я вам, точно говорю, Максимовна нашла деда и уехала к нему в город. Там будет век доживать. Может, еще вернется за приданым, а может, и нет, – сказала девка, стараясь снять напряжение.

Старухи, постояв еще пару минут, не спеша, стали расходиться по домам. Неудавшиеся «похороны», и поминки с блинами, и клюквенным киселем, были отложены на неопределенное время.

Бригада копателей могил удалилась не солоно хлебавши, так и не упокоив еще не усопшее тело.

Старухи посчитали, что Балалайкина их предала. Не просто предала, а разрушила веру в нерушимую бабскую солидарность, и сбежала от тех, кто уже видел её «в гробу в белых тапочках».

Самая близкая подруга Танька Канониха, была удручена. Как самая близкая подруга, она с молодости знала о любовных пристрастиях Балалайкиной, и почти не удивилась такой новости. Но сейчас – в её возрасте – это был явный перебор.

Девка, квартирующая в хате Максимовны, подозрений вызывать не могла. Мало ли Балалайкина брала квартирантов и раньше из числа студентов, которые приезжали покорять сельскохозяйственного местного колхоза.

Как только народ покинул двор, Машка с облегчением выдохнула. Присев на крыльцо, она горько заплакала, чувствуя, как случай с её омоложением, оторвал её от этого сердечного коллектива. В этот момент, вся её жизнь пролетела перед глазами, и она вспомнила каждую из этих старух, с которыми когда — то она бегала в сельский клуб на танцы и посиделки. Теперь их пути разделились. Было непонятно, каким образом она теперь должна жить. Вернувшись в дом, Максимовна сняла камень «молодырь», и посмотрела на него с какой – то душевной болью, стараясь разгадать не только его тайну, но и познать самую сущность.

«Ах, вот ты какой загадочный, «камень молодырь», – сказала она сама себе. В этот момент Максимовна еще раз взглянула на себя в зеркало, и увидела за своей спиной, появив-

шийся из неоткуда образ гуманоидов. Они, молча, смотрели на неё бездонными черными глазами. Балалайкина резко обернулась. Но в хате никого не было. Страх холодным комом прокатился по телу от кончиков волос до самых пяток. Вновь она посмотрела на себя в зеркало, и вновь увидела себя в том виде, в котором она прибывала лет шестьдесят назад.

«Эх – маманя моя дорогая, а ведь хороша же я – черт побери! Такое тело и без мужицкой ласки пропадает», – сказала сама себе Максимовна, и потянулась до хруста шейных позвонков.

Истопив баню, Максимовна помылась, попарилась, как в былые годы. Испив горячего и крепкого чая, она устроилась на кровати, и принялась перебирать семейный архив. Вытащив из шкапулки «гробовые», документы, она разложила все это по мере надобности в дамскую сумочку времен Никиты Хрущева, и успокоив сердечную мышцу рюмочкой «рябины на коньяке», погрузилась в омут ночных грез.

Выкинув подобный фортель, её жизнь не могла дальше продолжаться в том же русле немощной старухи. Надо было как – то кардинально изменить образ до неузнаваемости, и принять тот вид, который бы более соответствовал реалиям современной жизни.

Как обычно в четверг, в районном городке, был день большого базара. Народу на это мероприятие собиралось всегда великое множество. Яблоку было упасть некуда.

За годы старости, Машка отвыкла от подобных мест, и все ей было в диковинку. Она заметила, что никому нет дела до какой—то двадцатилетней девчонки, кроме местных молодых мужчин, которые не сводили с неё глаз, удивляясь её старинным и затрапезным нарядам. На данном этапе жизни Марию Балалайкину проблема мужчин пока еще не очень остро волновала. Она просто хотела жить – жить на всю катушку. Хотела учиться, чтобы раз и навсегда покончить с деревенским образом мышления, которое все её годы сформировал в её характере особый алгоритм поведения. Прожив на этом свете больше восьмидесяти лет, она была настолько искусенной в делах амурных, что до молекул знала коварство мужиков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пришельцы – как позже прозовут в народе инопланетян с планеты «Нубира», появились в деревне неожиданно и нежданно. Обычно, так появляются скупщики антиквариата и икон в период перемен в государственном обустройстве, или представители налоговых служб, в поисках народных заначек.

Отойдя от шока, они обнаружили пропажу. Кристалл был реликвией и символом верховной власти, и они просто вынуждены лететь на Землю. Нужно было вернуть верховному правителю утерянный символ вселенской власти. На Земле ни кто мог знать, что этот символ миллионы лет назад был послан на избранную планет главным властителем вселенной. Он видел в жителях планеты «Нубира» носителей прогресса, цивилизации и гуманизма для десятков тысяч соседних планет и галактик.

Ошибка возвращения гуманоидов в село Горемыкино, была очевидной. «Нубирийцы» еще не знали с каким «коварным» врагом предстоит им встретиться лицом к лицу. Разве могли инопланетяне знать, что именно в ночь их высадка на Землю, все жители планеты будут праздновать очередной новый год. Операция по возвращению символа вселенской власти окажется провальной. Земляне не примут условия владыки. Даже под угрозой «межгалактической войны», люди, встречая новый год, будут радоваться, и веселиться.

«Тазик» вынырнув из— поднебесья, сделал круг над деревней. Он бесшумно приземлился в заснеженный огород, словно на пуховую перину. Скользя по девственной глади, НЛО проехал несколько метров, и плавно уперся в изгородь. Целый пролет деревянного забора, не выдержав напора «инопланетного судна», упал на проезжую часть.

Тем временем, когда пришельцы покоряли снежные заносы, Канониха занималась любимым делом – она гнала самогон.

В радиусе ста километров её «бальзам» был известен, как брэнд колхоза «Красный пахарь».

По традиции землян, в каждом доме к двенадцати часам уже стояла елка, украшенная игрушками и электрическими гирляндами. Закуска томилась в русских печах, ожидая своего часа стать праздничной пищей на столах жителей великой России. По многолетнему советскому обычаю в сельском клубе шли последние приготовления к новогодней дискотеке, которая должна была состояться ровно в двенадцать часов.

Балалайкина Маша, прикинувшись беженкой от деспота мужа, заняла пустующее место директора клуба, которое уже десять лет было вакантно. Используя жизненный опыт, и страсти к художественной самодеятельности, она развернула на почве культуры небывалую активность. Администрация посчитала её появление, как подарок судьбы. Новогодний карнавал должен был покорить все население района костюмированным конкурсом и дефиле.

Забытые традиции новогоднего карнавала смело возвращались под крыши сельских клубов, получая даже государственную поддержку. Раззадоренные премиальными выплатами за призовые места, деревенские мужики и бабы с энтузиазмом строителей первых пятилеток принялись по всей России шить себе праздничные наряды, образы которых были взяты из фантастических фильмов.

В виду отсутствия самобытных деревенских актеров, Машке пришлось совмещать многие должности. Как настоящий режиссер и актер в одном лице, она, приняв облик Снегурочки, расхаживала по сцене в поисках образа. Узнать в ней старуху, которая еще пару недель тому

назад купила себе гроб, было невозможно. А деревенский люд мало беспокоило исчезновение взбалмошной старухи.

Краснопахарьский колхозный инженер Колька Крюков, внук Канониhi, по кличке «Крюк», влюбился в Машку с первого взгляда. Забросив все дела, он через страсть, так проникся к современной культуре, что буквально за десять дней выбился в ведущие актеры сельского театра. Не сводя глаз со Снегурочки, Крюк вживался в роль «Деда Мороза», по «Станиславскому» – не смотря на плюсовую температуру в помещении, даже «сопли» по непонятной причине замерзали в его носу, превращаясь в настоящие сосульки. Его сердце, словно граната, рвалось от любви, и этот факт вызывал в нем необыкновенную работоспособность.

Желание покорить сердце Балалайкиной было таким страстным, что он выкладывался на сцене до последней капли силы. Крюку было уже двадцать пять, и он не мог упустить возможность построить с новенькой отношения. Словно влюблённый Ромео, Крюков держал Максимовну в поле своего зрения, чтобы вовремя пресечь попытки деревенских воздыхателей покуситься на её плоть.

Максимовна, еще с младенчества прониклась к Николаю материнской любовью. С его бабушкой, они всю жизнь были закадычными подругами. Ну не могла Максимовна представить себя в роли воздыхательницы с человеком, который был моложе её на шестьдесят лет.

Но в тайных закромах её сердца, где— то предательски тлел уголек любви и надежды, что все изменится и придет весна, и она решится и пригласит Кольку Крюка на сеновал. Спрятавшись за занавесом девка, сквозь щель наблюдала за Николаем, считая своим долгом, дать ему правильный вектор его культурного развития. Крюков даже не заметил, как злой «Купидон» после первой же репетиции, тайно подкрался, и влил ему промеж лопаток каленую «стрелу» любви. Пронзив сердце насквозь, она застряла в груди, и так заныла, так заныла, что вывернула его душу наизнанку.

– Дедушка Мороз, Дедушка Мороз, выходи! – говорила по тексту Максимовна. Колька театрально кряхтел, раздвигал занавес деревенского театра, и топя старинными валенками, выползал на сцену.

– Вот и я, ваш Дед Мороз, я подарки всем принес... Шел я снежными полями! Шел оврагами, лесами, чтобы в этот час прийти, радость в дом ваш принести!!!

Максимовна нагибалась, клянясь в пояс Деду Морозу, и продолжала дальше:

– Здравствуй, здравствуй, Дед Мороз, от чего твой красен нос? Борода твоя седа? Ты откуда? Ты куда?

– К вам, друзья, мой путь лежал! К вам на лыжах я бежал! На оленях я скакал! Ох, как внученька, устал! – говорил Колька и, скрючив физиономию, хватался за спину, будто в то мгновение его били по спине совковой лопатой.

Максимовна засовывала тетрадь с текстом под мышку. Достав из – за занавеса стул, она поставляла его деду морозу под зад, и громко говорила:

– Ты, дедуля, посиди! Да на нас, ты, погляди! Будем мы сейчас плясать, тебя будем забавлять!

В это время, когда Максимовна репетировала новогодний вечер, пришельцы, по прибору вычислив место положения «молодыря», уже стояли под окнами клуба, в надежде захватить амулет вселенской власти.

Они царапали когтями, дули горячим дыханием на промёрзшие стекла и всматривались вовнутрь, стараясь отыскать среди театрального реквизита хранилищу «молодыря».

Ближе к полуночи, когда самогонка уже текла рекой, в клуб начал подтягиваться костюмированный деревенский люд. Кто тянул с собой бутылку мутной сивухи, кто соленых огурцов, а кто и шмат ароматного сала с чесноком и перцем.

Молодежь, нарядившись в костюмы ряженных, с нетерпением ждала начала карнавного дефиле, чтобы выиграть ценный приз.

Когда все было готово, грянула новогодняя музыка. На сцене, в лучах софитов переливаясь и искрясь стразами от «Сваровски», блесками и импортным люрексом, появилась статная девушка с ногами, растущими из подмышек. Весь зал, восхищенно посвистывая, дружно рукоплескал.

– Добрый вечер вам друзья! Вас поздравить рада я – декламировала она со сцены, улыбаясь односельчанам. – С новым годом поздравляю! Счастья, радости желаю!

Сквозь проталину в замерзшем стекле пришельцы опознали Максимовну, рассчитав на нубирийском компьютере эффект её омоложения, и вычислив математическую модель образа. Внешний вид Машки и фотографии полученной «пришельцами» методом анализа совпадал с её внешностью – сто процентов.

В это время, из-за угла деревенского клуба выполз кузнец Прохор. По случаю нового года он прибывал в состоянии алкогольной эйфории. Шапка на его голове торчала развязанными ушами, а тулуп, ввиду бушующего внутреннего жара, был расстегнут, и в разные стороны развевался полами. Глаза горели, словно угли. Во рту торчали «клыки вампира», которые он купил в сельпо у Нинки за десять рублей впридачу к просроченной селёдке.

Именно в этом месте и встретились нос к носу две цивилизации – земная и инопланетная.

О том, что это пришельцы, Прохор узнает намного позже. Спутав их с чертями, он перекрестил гуманоидов крестным знаменем, и, убедившись, что они не поддаются воздействию божественной силы, применил силу физическую. Он нанес сокрушительный удар в первую же физиономию, которая смотрела на него огромными космическими глазами.

Враг был повержен! Пришельцы ошеломленные «радушным» приемом землян, бросились бежать прочь, чтобы больше не попасть под горячую руку русского кузнеца.

– Это кому Дракула ты, сейчас вломил, – спросил Коля Шумахер, подойдя поближе к опьяненному кузнецу. – Так пацаны мчались, что даже снег до самой земли протаял.

– То мне кажется, черти были, – ответил Прохор. – Я иду, а они в окно зырят. Ни тебе здрасте, ни вам добрый вечер! Ни нам с новым годом! Я человек вежливый, и до безкультурия культурный – поздоровался. А они на меня смотрят сквозь черные очки, словно какие шпиёны американские. Вот пришлось залимонить по этим очкам с левой, чтобы часом не убить...

– Пошли брат лучше в клуб, – сказал Шумахер, – концерт в разгаре. – Споем, спляшем, выпьем. Говорят новая завклубом кровь с парным молоком! Ни девка, а разлюли – малина, самогон с клюквой...

– А может, лучше выпьем? А потом и споем, и спляшем, – перебил его Прохор, и заржал, словно кастрированный мерин.

Кузнец по—дружески положил Шумахеру руку на плечо, и запел:

– Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним, и отчаянно ворвемся прямо в снежную зарю – ю – ю – ю!

– Ты узнаешь, что напрасно называют Север крайним, ты увидишь он бескрайний, – подхватил Шумахер, – я тебе его дарю – ю – ю – ю!

– Эгей, – завершил Прохор, и подбросил свою шапку вверх.

Новогодняя дискотека была в самом разгаре. Елка сияла огнями, а вся молодежь дружно плясала вокруг неё, топая ногами по полу в такт грохочущей музыке.

Прохор и Шумахер ввалились в зал, обнимая друг друга, словно кровные братья. Народ веселился, прыгая в пылу хмельного угара. Всем было хорошо, и ни кто не обратил даже внимания на их появление.

– Что скажите горемыки?! На улице черти, мне морду хотели набить, но я им не дался! Вот какую хреновину они потеряли, когда улепетывали, – сказал кузнец, показывая народу найденный на месте стычки нубирийский «бластер».

На крики выпившего кузнеца внимания никто не обратил. Народ знал, что Прохор любитель наводить на плетень тень, особенно тогда, когда его голова заполнена парами деревенской сивухи с карбидом и куриным калом для крепости.

Следом за Прохором, в клубе появились осмелевшие пришельцы. Они робко вошли в «храм культуры», держа могучую фигуру кузнеца в поле своих бездонных глаз. Гуманоиды остановились, около входа. Увидев народные танцы аборигенов, стали так же переминаться с ноги на ногу в такт музыке, как это делали представители чуждой им цивилизации. Гуманоиды как бы опасались агрессии землян, но её почему— то не было.

Спокойствие нубирийцев было недолгим. Местные девушки, разогретые рябиной на коньяке, приняв одежду пришельцев за карнавальные наряды, затащили их вкруг. Посчитав, что перед ними ряженые мужики из соседней деревни, принялись отплясывать с ними, как это было принято в землях русских. Повторяя движения землян, гуманоиды на какой—то миг забыли о своем задании и постарались влиться в людскую массу. Они закружились в вихре карнавального танца, при этом радостно щебеча на своем языке, словно канарейки.

Все было бы хорошо, но русские были бы не русскими землянами, если бы через пятнадцать минут, они не стали приставать к пришельцам.

Деревенские мужики и бабы бросились в интернациональном порыве лобызать «внеземной разум», требуя от них уважения к себе и безграничной межгалактической любви, которую необходимо было обмыть «святой водой».

– Елочка, зажгись! – орал Прохор, изображая двоюродного брата деда мороза дядю Снегуриана.

Он крутил в руках какую—то инопланетную фигню, которую отнял у инопланетян и совсем не подозревал, что это был бластер. Прицелившись в елочную игрушку, он нечаянно нажал на кнопку. Голубая молния с треском вылетела из инопланетного «плазмомета» и срезала с ёлки все ветки вместе с игрушками, которые с грохотом осыпались на пол, словно осенние яблоки.

– Вау! – прокричал Дракула, и продул дымящийся ствол «вундерваффера».

Народ замер в оцепенении. Музыка стихла. Над танцполом повисла угрожающая тишина.

Кузнец, опустив глазенки в пол, почувствовал, что за испорченный праздничный реквизит, его сейчас будут жестоко бить. Он бросил в сторону «плазмомет», и словно рак пополз в сторону выхода. Из—под шапки он смотрел по сторонам и понимал, что буквально через мгновение, и месть горемыкинцев будет для него жестокой и болезненной.

– Мочи уроды, – услышал он боевой клич. Толпа, забыв, про инопланетян, двинулась на него стараясь получить ответ.

– А че... Я ничего... Оно само стрельнуло, – стал оправдываться кузнец, пробираясь к выходу.

Тетя Соня, уборщица клуба первого уровня появилась неожиданно. Увидев голый ствол и кучу обрезанных веток с игрушками, поняла всё... Выдернув из метлы деревянный черенок, она с нечеловеческим криком бросилась на возмутителя спокойствия, и стукнула ему палкой по хребту.

– Ой, мама, – успел проговорить кузнец.

Он понял, что это был сигнал, и сейчас последует расплата за совершенное деяние.

Народ был в шоке. Участники карнавального дефиле смотрели, то на голый ствол, то на рассвирепевшую бабу Соню, то на улепетывающего Прохора, который в позе уползающего рака двигался прочь из клуба. Оцепенение было мимолетным. Сообразив, что виновник должен быть, наказан, кто—то из жителей села Горемыкино громко проорал, ввергая публику в управляемый хаос.

– Бей гада! Он нам праздник испортил...

Молодежь одержимая чувством справедливости бросились на кузнеца, как бросаются пчелы на медведя, влезшего в дупло за медом.

– Ой, уши мои уши, – заверещал Прохор, прикрывая огромными ручищами свои уши. – Не по голове! – кричал кузнец. – Только не по голове! Завернувшись в расстегнутый полушубок, он забился в угол, продолжая что–то кричать, но его уже ни кто не слышал. На его мольбы о пощаде, удары следовал один за другим.

– Получай, гад! Извращенец, – орал кто–то из толпы.

В эту секунду авторитет кузнеца Прохора, как мастера молотка и огненной стихии, рухнул ниже плинтуса. Свернувшись в позу вареной креветки, он еще сильнее забился в самый угол помещения, оставив для нанесения побоев, только мышечную зону ягодичного отдела. В такой позе Прохор лежал несколько минут, пока кто–то из односельчан не увидел, валяющуюся пластиковую челюсть «графа Дракулы».

– Люди, вы что звери, – заорал истошный женский голос. – Да вы ему зубы выбили.

Толпа в ужасе отпрянула. Тело, замотанное в полушубок, вытянулось на полу напоминающая труп убитого Голиафа. В эту минуту Прохору было, как никогда больно. Больно не телом, больно было душой. Он даже не мог понять, за что добропорядочные односельчане так непристойно над ним поглумились.

– Что же вы делаете, волки?! – кричал он. – Вы же завтра ко мне придете, чтобы я вам плуг к «Запорожцу» пристроил...

– Молчи, урод! – хором ответил народ. – Ты своими дурацкими штучками, нашим деткам праздник испортил... Завтра у них утренник, а елки нет! Вот глянь один стебель стоит.

Максимовна, поняв, что сельчане могут забить кузнеца насмерть, бросилась спасать бедолагу. Она опустилась на колени и приложила к его груди голову, желая услышать утешающее сердцебиение. Народ в тот миг оторопел. Все смотрели на своего кузнеца, гадая, будет он жив, или же он к утру, испустив дух, предстанет перед воротами рая.

– Ну что крикнул? – послышался голос из толпы.

– Нет, еще не крикнул! Жив Прохор!

– Раз не крикнул, пошли плясать! Оклемается, зараза, навалим еще! Ишь, что учудил, алкаш хренов, – сказал кто–то из членов клуба любителей кулачного боя.

После этих слов земляки моментально забыв про жертву, вновь бросились в пляс. Взяв за руки «нубирийцев», они стали кружиться вокруг голого ствола совсем забыв о случившемся инциденте.

Все что произошло, шокировало пришельцев до самых внутренностей. Постоянно озираясь на кузнеца, они прыгали вокруг бывшей ели, прикинувшись для маскировки «белыми зайчиками», которые оказались на празднике жизни землян совершенно случайно.

Инстинкт самосохранения диктовал инопланетянам правила поведения во враждебной цивилизации. Их заботило лишь собственная безопасность, ведь за их миссией на Земле стояло пятнадцатимиллиардное население планеты Нутира. Гуманоиды прыгали под звуки музыки, не сводя глаз с Максимовны. А та, усадив кузнеца на скамейку, вытирала разбитый нос и прижимала его щеку к своей девичьей груди.

Символ вселенской власти, за которым вели охоту пришельцы, болтался на шее Балалайкиной, и возбуждал их к действию. Заветный предмет был почти рядом. Казалось, протяни руку, и можно лететь, исполнив долг. Но видя, что земляне сделали с кузнецом Прохором, инопланетяне не решались даже приблизиться к Снегурочке.

– Всем дрыгаться до потери пульса! Шумахер пойло везет! Будем пить все! Никто не расходится, – проорал Сашка по кличке Зек.

После слов, сказанных бывшим уголовником и ярым хулиганом, народ загудел еще сильнее. Чувствовалось, что наступает время бесплатной общенародной пьянки с элементами русского кулачного боя.

Пришельцы решили не отставать и быть с народом. Земляне вновь радостно засуетились и заликовали, услышав радостную весть. И гуманоиды воспрянули духом. Они, посчитали, что случилось какое-то всеобщее счастье, и уже скоро божественная благодать опустилась на эту забытую правителем вселенной планету.

Пришельцам не могло прийти даже в голову то, что могло случиться на их глазах. Вряд ли кто из гуманоидов даже не в кошмарном сне мог представить себе, что их погоня за символом межгалактической власти обернется для них чуть ли не войной с враждебным колхозным социумом. Даже телепатические возможности их высшего инопланетного разума не могли вскрыть затуманенного водкой русского сознания.

– Ну, что лунатики, чирикаете! Шнапс пить будем, – сказал Зек, и похлопал одного гуманоида по плечу.

– Братва! Смотри на мою персону! Мы тут с Шумахером за «самогоном» катались. Смотрим, а там оно... Круглое, как тазик из деревенской бани лежит, – сказал Зек. – Шумахер монтировкой попробовал, а он толи с люминию, толи из титанию. Колька его зацепил и потащил его к Гутенморгену – в металлолом сдавать! Так что господа фермеры и граждане колхозники не расходимся! Гуманитарный конвой с напитками уже идет по месту нашего веселья!

– Ура! – что есть мочи орал, собравшийся народ.

Балалайкина, перехватила у Зека микрофон, и сказала:

– А сейчас господа, мы подведем итог конкурса карнавального костюма! Жюри присудило первое место, коллективу дома культуры сыроваренного завода. Смотрите, как парни потрудились – на славу! Представили нашему вниманию костюмы представителей внеземной цивилизации. Поприветствуем номинантов на первое место, – сказала Максимовна и хлопала в ладоши.

Тут Балалайкина вспомнила эти странные лица, которые занимались хищением капусты на её огороде. Она поняла, что гуманоиды вернулись ни с целью участия в конкурсе карнавального костюма, а с целью вернуть тот предмет, который стал её заслуженным трофеем. Желания возвращать «молодырь» у нее не было. Она считала, что это была компенсация за капустные кочаны, которые расплющил инопланетный «таз». Пока Максимовна была среди людей, пришельцы вряд ли могли на неё напасть. Влюбленный Коля Крюк в костюме деда мороза, был с ней рядом, словно телохранитель. В случае внезапной агрессии, он мог защитить Максимовну, если гуманоиды надумали бы прикоснуться к ней хотя бы пальцем.

– Жюри награждает представителей сыроваренного завода «Веселый молочник», ценными подарками. Так поздравим же номинантов бурными аплодисментами, – сказала Машка и хлопала в ладоши. Народ, последовав её примеру, зарукоплескал. Бурные аплодисменты уже через несколько секунд перешли в нескончаемые овации, и все, как один, обратили взор на представителей художественной самодеятельности заводского клуба.

– Ну, что стоим?! Кого ждем, – обратился Зек к «нубирийцам». – Салун «голубая устрица» ждет тебя... Он похлопал одного инопланетянина по ягодицам, и пригласил пройти на сцену.

Деда мороз вынес огромный красный мешок. Он артистично кряхтел по «Станиславскому», доставая из него коробки с часами китайского производства. Машка, не подавая вида своего беспокойства, вручила каждому гуманоиду по коробке. После чего обратилась к публике:

– А теперь старинной по русской традиции, номинанты на первое место, должны отведают нашего русского напитка. Клюквенную настойку в студию, – сказала она, расплываясь в улыбке.

На сцену вышла «Светка— пипетка» в эротическом костюме медицинской сестры. Её вид был настолько вульгарен, что выдавшие виды деревенские мужики завывали, словно волки в морозную стужу. Фельдшерица держала на подносе три граненых стакана с красной, как кровь жидкостью, которая предназначалась гостям. Пришельцы переглянулись. По их наив-

ному виду можно было понять – еще мгновение и они окажутся в западне, которую приготовила Балалайкина. «Пипетка», в образе медицинской сестры распутницы, могла очаровать любого, поэтому и была избрана на эту роль, чтобы снять подозрения пришельцев.

Зал вновь загудел. Из общей массы звуков, слышалось до боли знакомые слова.

– «Пей, до дна! Пей до дна! Пей до дна! Пей, до дна! Пей до дна! Пей до дна!» – призыв этот нарастал лавинообразно, подключая к многоголосию еще большее число участников. Даже стекла затряслись в клубе от подобного хорового исполнения традиционной русской мантры.

– «Пей, до дна! Пей до дна! Пей до дна!»

Пришельцы хлопали своими бездонными глазами, как бы собираясь с духом. В знак уважения к аборигенам они прильнули к стаканам и принялись пить то, что им поднесли. Приятная на вкус жидкость с привкусом хлебного самогона исчезла в инопланетных чревах и приступила там к расщеплению на молекулы и атомы. Максимовна, расплывшись в улыбке и не теряя нужного момента, взяла процесс под контроль.

– До дна- господа! До дна, – повторила она убедительно, мило улыбаясь представителям другой планеты.

Народ увидев, что гости осилили местный продукт, одобрительно загудел, и продолжил веселье.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАК КОЛЯ ШУМАХЕР ИНОПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ НА МЕТАЛЛОЛОМ СДАЛ

Звук трактора и свет фар в окнах, заставил Семёна Гутенморгена оторваться от торжественного тоста, который он репетировал, целую неделю, по случаю наступления нового года. Поставив на стол, доверху наполненный бокал с шипящим шампанским, он нервно сказал:

– Да чтоб вас... Кого это еще там черт принес?

Не испытывая радости от появления неожиданного визитера, Гутенморген, вылез из— за стола, и направился встречать гостя. Выйдя на улицу, Семён увидел счастливого Колю Шумахера, который пребывал подшофе. Тот улыбался на всю ширину рта, стараясь хоть как — то возбудить деловой интерес инвестора.

– Во, видал! Принимай Сеня, железину! Такой добрины у тебя отродясь не было, – сказал Шумахер, густо пыхтя дефицитным «Беломором».

– Ты, что Колян, в своем репертуаре! Не мог потерпеть до утра? Новый год же! – сказал Гутенморген. – Я уже за столом сидел, слушал приветствие президента Путина, а ты, мне весь кайф испортил! Как я, на ночь, глядя, это корыто буду взвешивать? Его же сначала надо болгаркой или сваркой на куски порезать, а потом и оценивать по факту.

– Ты, Сеня, не волнуйся! Тазик сейчас – деньги потом! Отдашь, как оприходуешь! А сейчас забирай! Спрячь в свой ангар! Не дай бог, кто—то кроме меня его в район утащит, там он будет больше стоить, – сказал торжествуя Шумахер!

– А, что это за хрень такая? – спросил Семён, откусывая моченое наливное яблочко.

– Это, Сеня, межгалактический дирижабель, изготовленный из молочной ванны сыроваренного завода. Ты ведь Кулибина из Худолеевки знаешь?

– Ну, знаю! Он в моем металлоломе частенько себе детали разные выискивает! – ответил Семён Гутенморген, ощупывая блестящие бока огромной тарелки.

– Ну, так это он сделал! Решил нас перед Новым годом, как лохов развести. Карапузов своих типа в «инопланетные» тряпки нарядил, и на карнавал прикатил. Ну, типа они инопланетяне, а теперь мечтает первое место получить!

– Во, как, – сказал Гутенморген, – а наши «гуманоиды» чем хуже?!

– Ну, и я говорю, что наши мужики и бабы не хуже этих худолеевских! Митяй в репку нарядился. Приклеил к шапке банный веник, ходит по клубу и всем говорит, что это у него ботва из макушки растет.

– А, ну так бы и сказал – сказал Семён Гутенморген. – А я думаю, что это за хреновина такая? Я тебе сейчас для начала дам тысяч десять. А потом, когда разрежу его автогеном и перевешу, то получишь еще. Но это уже только после нового года будет. Сейчас тебе на самогонку хватит. Опохмеляться числа третьего приходи. Я раньше сам никак не оклемаюсь! – сказал Гутенморген, почесывая затылок.

– Заметано, братэла, – сказал Колян Шумахер и, выдыхая винные пары, крепко обнял партнера по бизнесу.

Сунув деньги во внутренний карман фуфайки, он запрыгнул в трактор. Нажав на газ, он с пробуксовкой полетел обратно к Канонихе за её фирменной самогонкой.

Несмотря на восьмой десяток Канониха, была бабой очень крепкой. Каждый день без всякого страха перед участковым полицейским, она гнала знаменитый на всю округу самогон. Ее младший сын, который когда—то работал на военном заводе, из стратегического ракет-

ного сплава изготовил ей самогонный аппарат для дополнительного приработка к её скудной пенсии. Что было внутри аппарата, была военная тайна. По конверсии в период перестройки подобные самогонные аппараты были названы «мини спирт заводами». Хотя весь процесс перегона браги в спирт ничуть не отличался от древней деревенской технологии.

Канониha водку гнала, не только для продажи, но и для себя. Она любила и сама выпить «грамульку» для «настроя», но никогда не злоупотребляла спиртными напитками. Какие снадобья и корешки старуха клала в напиток, никто из сельчан не знал, поэтому её водка всегда была исключительного качества. Односельчане так полюбили её продукт, что прозвали дом Новиковой Татьяны – «оздоровительным центром».

Как – то в один из дней, когда вся полиция района съехалась в Горемыкино для ареста уникального аппарата. Народ с вилами, косами и обрезами встал стеной супротив законной власти. Решили односельчане защитить местного производителя «животворящего бальзама». Полиция, видя, что народ не простит им закрытие «спирт – завода», так и не исполнили служебный долг и подобру и поздорову, убрались восвояси. Напоследок, в знак примирения начальник полиции лично получил от Канониhi бутылку уникального напитка, который тогда и стал той «трубкой мира», испитой мужиками, окружившими хату Канониhi плотным кольцом.

Дабы не искушать судьбу и здоровье, в областном экспертном отделе начальник РОВД произвел полный анализ свежего продукта. Каково было удивление местной власти, когда данная экспертиза показала, что самогон производства Канониhi по качеству и содержанию полезных веществ, превышает знаменитый коньяк «Хенесси» в шесть раз и мог быть сравним только с лучшими сортами коньяков из Франции.

С тех пор заключение областной экспертизы, словно державный сертификат качества, висел у Канониhi в рамочке под стеклом. Сам начальник местного РОВД контролировал производство оздоровительного снадобья, взяв на себя всю ответственность за продукт и его уникальное качество.

Каждую неделю после трудов праведных, проходил он у старухи сеансы «бальзамирования». Как представителю районной власти ему было необходимо в свои сорок пять лет, держать тело и дух в полной гармонии с природой, как это некогда делали древние египетские фараоны.

Шумахер влетел в хату к самогонщице в тот момент, когда она, пристербывая из блюдца чай, смотрела сквозь очки новогодний концерт с участием Евгения Петросяна. В доме не было ни души. Самогонный аппарат за занавеской жалобно пищал парами и пукал через медный змеевик, изрыгая на волю, приятную на вкус жидкость.

– С Новым годом тебя баба Таня! – сказал Коля Шумахер, снимая с головы потертый заячий треух.

– Привет соколик, коль не шутишь! – сказала она, не отвлекаясь от телевизора, – Ты ноги веником обмети, а то снегу притащил кучу!

– Мне тут мужики поручили твоего «бальзамчика» приобрести! Есть у нас желание в честь нового года забальзамироваться, до поросячьего визга... Располагаем так сказать – страстным желанием присоединиться к гуляющим трудовым массам. А это, правда, что мужики говорят? Ходит слух, что ты баба Таня, в самогон виагру добавляешь. Уж больно от твоей горелки, стоит, как хвост у волка на морозе...

– Делать мне не хрен, в каждую бутылку виагру какую—то сыпать. Она и без виагры хороша! Напиток мой тогда на пользу, когда ты знаешь, сколько надо и с кем надо. А коли ты его будешь кушать, словно бормотуху, то никакой пользы от него не будет. Девочек ни чем не удивишь. Они от тебя все разбегутся, шо зайцы по полю!

– Давай мне бабка бутылок десять. И спать, сегодня не ложись... Пушай завод твой функционирует. Я утром еще приду – если смогу. Я сегодня богат, словно той Ротфеллер! – сказал Шумахер, хвастаясь деньгами.

Канониха кряхтя встала из—за стола и выглянув в окно на огород, что—то прошипела под нос и прошла в чулан. Там, на полках в ожидании клиентов, стояли бутылочки с алкогольными напитками.

Все в этом доме было поставлено на широкую ногу. Даже этикетки на бутылках имели портрет Канонихи, как подтверждение высочайшего качества продукта. Не зря Земляникина собирала деньги с пенсии, чтобы у местного фотографа Зиновия Шнипельбаума изготовить тысячу этикеток. Зяма, так старался, что «брэнд» на разработанную этикетку узаконил нотариусом и гордился производением своего искусства не меньше, чем Кулибин своей самобеглой коляской, которая работала на конском навозе.

Шумахер стоял возле двери, переминаясь с ноги на ногу, словно кастрированный мерин при виде кобылы, которая желала о породистом жеребце.

— А шевелить заготовками можешь быстрее? Мужики уже чай всю закуску поели... Давай живее! Душа горит, а сердце плачет! — запел он, предвкушая момент разговения.

Канониха, звякая посудой, вышла из чулана. В руках она держала корзину, из которой торчали бутылки.

— Держи соколик!

— И каков приговор? — спросил Шумахер, достав пачку денег.

— Штука, — сказала Канониха, стучая своим заскорузлым пальцем по кнопкам затертого калькулятора, который всегда висел на её шее.

— Держи старая, — улыбаясь, изрек Шумахер. — Спать не ложись, еще приеду.

— Приходи Колюня — приходи... Я хоть и засплю, ты родимый стучи в окошко, я открою. Один черт меня бессонница мучает окаянная!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Огромный блестящий, словно никелированный «тазик», лежащий во дворе, никак не давал Семёну Морозову покоя. Не смотря на новогоднее застолье и полный дом гостей, он не выдержал, и под видом «сходить до ветру», тайно вышел во двор. Обойдя с фонариком вокруг таза, он осмотрел его гладкие и полированные бока. Где— то в голове он уже набрасывал ту сумму, которая должна была получиться от продажи металла. Щупая со всех сторон внеземной «агрегат», он непонятно, как коснулся странной пластинки. Она слегка отличалась по цвету от всего остального металла и не вызывала никаких подозрений. Пластинка эта вероятнее всего была сенсорным замком и «почувствовала» тепло его руки. Она мгновенно передала эту информацию в недра НЛО и верхняя крышка, скользя набок, открылась, выпустив облачко белого дыма. Семён не на шутку испугался. Он отскочил в сторону, выронив в снег фонарь. Впервые он увидел такое, чего его мозг переварить не мог. На вид этот таз был похож на молочную ванну с сыроваренного завода. Но то что находилось внутри его, потрясло Семёна до самых печенок.

— «Это что еще за хрень такая»? — спросил он сам себя. Сунув фонарь в зубы, он на четвереньках подкрался к «НЛО». Прямо перед ним крышка вновь зашипела, как змея и наглухо закрылась. Семён опять отскочил от греха подальше, при этом не теряя бдительности.

Страх и любопытство в его душе сошлись, словно два боксера на ринге. Страх бил любопытство, а любопытство уходило в глухую оборону. Как только страх немного стал сдавать свои позиции, любопытство переходило в контратаку, загоняя страх под канаты виртуального ринга.

Семён глубоко вздохнул, стараясь перебороть страх, и крадучись подполз к инопланетному звездолету. Увидев серую пластинку, он привстал и дотронулся до неё. Крышка снова открылась. Долго не раздумывая, Гутенморген проник внутрь. Рампа с шипением наглухо закрылась. Страх еще больше обуял Морозова. Его сердце забилося в бешеном ритме, поглощая огромные порции адреналина, который впрыскивался в кровь, словно из дизельной форсунки. Казалось еще мгновение, и оно порвется на куски.

— Э, э, эй! — проорал Гутенморген, — Есть тут кто живой?! Лю — ю — ю — ди, где вы?!

То ли от звука, то ли от присутствия человека внутри аппарата загорелся какой—то непонятный зеленоватый свет, который исходил отовсюду. Он не был ярким, а был достаточно приятным и совсем не раздражал глаза.

Три кресла, обтянутых серебристой кожей, стояли подковой посреди просторной круглой кабины управления. Испытывая сильнейшее любопытство одновременно с нервным напряжением, он набрался духа, и сел в центральное кресло. Что—то внутри него странным образом зашевелилось, и Морозов ощутил, как оно автоматически подстроилось под него. Семён осмелел. Он почувствовал, что его сердце стало успокаиваться.

— «Ах вот ты какой», — сказал он в голос, и поерзал задницей. — А мне нравится — черт, бы тебя побрал...

Из подлокотника жужжа, выкатилась лакированная под цвет черного дерева полочка. На ней располагался выступающий наполовину металлический шар — размером с апельсин. Ничего не подозревая, Гутенморген положил на него ладонь. В тот самый миг потолок над его головой исчез. Морозов убрал руку, и увидел, как вся заработавшая атмосфера внутри НЛО пришла в состояние «сна». Семён вновь приложил руку к шару и вновь на потолке возникли иероглифы, а металлический купол вдруг превратился в стеклянный.

– Как это они так делают, – сам себя спросил Гутенморген и убрал руку с шара. Двух раз хватило, чтобы понять принцип работы данного агрегата. И сколько Морозов не прикладывал руку к шару, всегда происходило одно и то же. Таким образом он выводил инопланетное судно из режима «сна», и запускал работу всей электроники, которая управляла этой машиной.

– «Ну, ни хрена себе! Вау»! – сказал Семён сам себе, увидев двор сквозь купол.

Слегка надавив на шар рукой, Семён почувствовал, как «НЛО», плавно приподнялся над землей, приятно покачиваясь, словно на водяном матрасе. Гутенморген не был бы Гутенморгеном, если бы не испытал на своей шкуре все до конца.

Кличка Гутенморген приклеилась к нему лет десять назад.

В один из жарких майских дней, будучи еще молодым трактористом местного леспромхоза, работал он на трелевочном тракторе в лесу со своим напарником. По заданию директора леспромхоза пробивал Семён по окрестным лесам противопожарные просеки, дабы сберечь легкие планеты от губительного пожара. Все шло хорошо, пока в один из рабочих дней трелевочник своим огромным плугом не зацепил деревянный накат старого немецкого блиндажа времен войны. Гонимый любопытством Семён Морозов влез в тот блиндаж и обнаружил древний немецкий трофейный склад с обмундированием и вином. Переодевшись тогда в фашистскую униформу, он с напарником, забросив работу, стал одну за другой опустошать трофейные бутылки, наполняя организм выдержанным со времен войны вином.

Три дня гулял Семён на лесной поляне, пока его жена Анька не заявила в полицию о пропаже мужа. На поиски бесследно исчезнувших селян, бросились всем миром. На четвертые сутки, приехавший на место участковый с тремя полицейскими, обнаружил около сгнувшегося трелевочника, двух пьяных «немцев», которые бессознательно валялись в гряде пустых бутылок. Сквозь пьяный туман Семён вдруг увидел лицо майора Бу— Бу, (так в народе звали местного участкового), приоткрыв свои опухшие от трехдневного пьянства глаза, он приветственно поднял свою руку, как в кино про немцев, и пробубнил:

– Гутенморген, гер офицер!!! Хайль Гильтер!!!

И ту же в пьяном угаре свалился на траву, окончательно потеряв оставшееся сознание.

С тех самых пор, Семён Морозов в одночасье стал для земляков Семёном Гутенморгеном, а жители села Горемыкино настолько полюбили его новое прозвище, что через год соби-
рались номинировать его на титул «национального героя села Горемыкино».

Утопив ладонь в панель серебристого шара, он почувствовал, как «тазик» приподнялся еще выше. Сердце его затрепетало в груди, словно мотор у которого оборвало поршень. Восхищаясь возможностями внеземной техники, Семён с высоты птичьего полета созерцал все село от колхозных свинарников, до школьного сада.

Слегка провернув шар, он почувствовал, как «тазик» послушно начал набирать скорость, перемещаясь по воле его руки и мысли. Как—то совсем быстро, освоив технику пилотирования, Семён, словно Валерий Чкалов, начал выделять в воздухе замысловатые пируэты. Любой заслуженный летчик—испытатель в тот миг, поседел бы от страха, а находящийся в легком опьянении Гутенморген, лишь радостно цокал языком, да крутил шар.

– Мы летим на последнем крыле... Мы летим, затерявшись во мгле... Хвост горит, нос разбит, но тарелка летит...

«Тазик» то пикировал к земле, то свечей взмывал вверх, то неся над селом Горемыкиным, словно угорелый, пока снова не плюхнулся обратно в огород Канонихе. Это было именно то самое место, откуда его трактором вытащил Шумахер.

Как ни старался Семён вновь поднять неземную машину, ничего у него не получалось. «Таз», словно прилип к земле. Стекланный купол закрылся, а все линии и иероглифы ту же потухли.

Гутенморген выполз из «таза» на четырех конечностях. От таких необычайно экстремальных полетов его настолько укачало, что казалось земля, уходит Из—под ног. Так и пополз

Семён назад домой, на карачках, проклиная Колю Шумахера с его инопланетным «дирижаблем».

Тем временем, испив в клубе весь самогон, Шумахер также выполз на четвереньках, но уже в обратном направлении. Не желая «ударить лицом в грязь» перед братьями по разуму, Шумахер решил показать пришельцам все наше земное гостеприимство. Несмотря на опьянение, он пополз включив «автопилот» за новой порцией алкоголя. Так и столкнулись Семён Гутенморген и Коля Шумахер на одной из улиц прямо лоб в лоб.

– О! – воскликнул Шумахер, увидев своего кредитора, – Ты, это откуда?

– Я? Я от Канонихи. Ползу домой! – ответил Семён, потирая лоб от столкновения.

– А я наоборот к Канонихе... Не спит еще старая? – спросил Шумахер.

– Я не знаю, – прошипел Гутенморген, – Я к ней не заходил.

– А ты, хочешь выпить? – спросил Шумахер. – Я наливаю! Я всегда и всем наливаю!

В тот миг в голове «Гутенморгена» проскочила мысль: «Для восстановления устойчивости необходимо было послушать совет Николая, и слегка выпить, чтобы уравновесить вестибулярный аппарат. Выдержав паузу, он сказал:

– Хочу...

– Тогда, тогда ползем вместе! Я точно знаю дорогу. Я Сеня, иду по нафигатору... Сейчас разбудим бабу Таню. Она мне еще должна пять флаконов, – сказал Коля, и провел ребром ладони по горлу.

Уже вдвоем, обнявшись, словно братья по разуму, Семён Гутенморген и Коля Шумахер направились к самогонщице:

– Земля в аккумуляторе, земля в аккумуляторе видна. Как сын грустит по матери, – запели они самодеятельным дуэтом.

Дойдя до дома бабки, Коля вновь увидел на её огороде, сверкающий в свете Луны холодным металлом, инопланетный «таз», который, был похож на тот – предыдущий.

– Во, Семён! Глянь еще один... Брать будешь?

Гутенморген сделав умное лицо, промолчал. Он не хотел, чтобы Шумахер узнал о тайне НЛО.

– А этот брать будешь? – спросил Коля, потирая руки, предчувствуя прилив Сениных капиталовложений в новый звездно – молочный проект.

– И этот куплю, – утвердительно сказал Гутенморген, – Только, как ты его притащишь, ты же пьян, как фортепьян...

– У меня трактор есть, – сказал Шумахер ощупывая бока летающего объекта. – Трактор мой возле клуба стоит. Он как в песне – на запасном пути. Типа на запасных рельсах наступающего коммунизма.

– Давай лучше вмажем, а потом вместе прокатимся, – сказал Гутенморген, надеясь, что за дозой самогона Коля Шумахер утратит свою бдительность и не заметит, что это один и тот же звездолет.

Коля постучал Канонихе в окошко. Уже через мгновение он исчез за открывшимся дверями. Семён весь сжался от холода. Он прислонился к забору, ожидая компаньона по «бизнесу». В его голове в тот миг поплыли радужные мысли: о полетах в новые солнечные системы, о новых знакомствах, о славе, которую принесет ему этот неопознанный объект. В мозге он даже представил, как будет куражиться над «Мерседесами» и «Поршами», обгоняя их на трассе.

Шумахер покачиваясь вышел из дома. Под подмышками и в каждой его руке было по бутылке самогона.

– Э, эй! Семён! Ты тут часом не окошел?! – спросил он, видя, как тот подпирает забор, – Ты не бойсь, ща, греться будем!

Шумахер, откупорив зубами бутылку, подал её Семёну. Тот, раскрутив в содержимое, влил себе в рот, и сделал несколько глотков, будто это была последняя в его жизни выпивка.

– Э, эй, Семён, не гони каурых, не все сразу! Нам еще гешефты крутить с тобой, – проорал Шумахер.

Гутенморген оторвался от флакона и почувствовал, как от желудка к его замерзшим конечностям потекло живительное тепло. На душе стало хорошо и божественно приятно, будто неизвестная неземная благодать опустилась на него с небес и теперь всей своей живительной силой, растеклась по телу.

– Потрясно...

– Это ты про что, – спросил Шумахер.

– Это я про то, что самогон у бабы Тани супер... Его даже закусывать не надо...

– Да, горилка у Каноники знатная, – ответил Коля, и приложился к бутылке. Оторвавшись, он тут же запел:

– Бутылочка вина, и не болит голова. А болит у того, кто не пьет ничего...

– Мне домой пора идти, – сказал Семён. – Меня Анька искать будет. Я вроде по нужде пошел...

– Правильно! Ты, Семён, мужик мировой! Как договорились – я пошел за трактором. А я ведь тебе уже его привозил, – сказал Шумахер, стараясь понять, что происходит.

– Это, брат, наверное, другой? – сказал Семён, прикидываясь дурачком. Ты мне его Коля, домой его не тащи, там уже ставить некуда. Гони к ферме! Я там буду ждать. Там спрячем – в старый телятник загоним. Сам понимаешь, металл – то цветной, дорогой же собака дикая!

– А – а – а ну, тогда я пошел, – сказал Шумахер. Вот только самогонку отнесу братьям по разуму...

– Каким братьям, – настороженно спросил Семён.

– Каким, каким – пришельцам, мать их! Это ведь их транспортное средство. В клубе они сейчас, с Ильичом лобызаются, – сказал Коля Шумахер. Он обнял Семёна, и на ухо прошептал: – Ты Сеня, никому не говори, что мы с тобой чужой звездолет сперли...

– Какой звездолет? Чего ты мелешь? Иди Коля проспись...

– Ты что Гутенморген, думаешь, что я ничего не знаю...

– Что не знаешь, – переспросил Семён.

– Что – это совсем не молочная ванна – это настоящий межгалактический летательный аппарат, – сказал Шумахер.

– Тс – тс, – приложив палец к губам сказал Гутенморген. – Если будешь молчать, я тебе дам пятьдесят тысяч рублей.

– Могила... – Ты Семён, настоящий друг! Ты друзей в беде не бросаешь! Я с тобой пойду в разведку! Я пойду с тобой в разведку, там, в разведке трахнем Светку – Пипетку! – запел Шумахер, и направился к клубу.

– Не говори никому, – крикнул в след Семён.

– Ты же знаешь – я могила, – ответил шатаясь Шумахер.

Семён подозрительно оглядываясь, еще раз обошел звездолет и направился в сторону фермы. Там вдали от основной усадьбы Горемыкино, было заброшенное здание телятника, которое Гутенморген арендовал у бывшего колхоза под склад. Оглядываясь, словно вор Семён, проскочил деревню с Востока, на Запад, стараясь никому не попасться на глаза. Где – то в лесу были волки, и от этого по спине Семёна бежали огромные мурашки. Ночь была светла. Луна – словно огромная лампочка, повисла над деревней, наводя на волков магическое действие.

Ждать Колю Шумахера пришлось не долго. Еще издали Семён услышал, как возле сельского клуба, завелся тракторный стартер, а следом за ним затарахтел «Белорус». Примерно через полчаса, поднимая клубы снежной пыли, к зданию телятника, подкатил трактор. Он на тропе тащил за собой сворованный дважды «звездолет», который принадлежал неизвест-

ной инопланетной цивилизации. Подкатив к ферме, Шумахер увидел Семёна, который, словно штырь, стоял возле колхозной кочегарки и нервно курил, пряча сигарету в кулак.

– Принимай барин, кастрюлю, – сказал Шумахер, выпрыгивая из трактора. – Ох, и тяжёлый же гад! Все кобылы силы вытянул! – сказал он, и постучал валенком по блестящему от снега колесу.

Семён вытащил из— за пазухи деньги. Трясущимися от холода руками он протянул их Шумахеру.

– Окончательный расчёт Коля, после праздников! Сейчас сам понимаешь, бабки на исходе, а печатный станок в ремонте!

– Заметано! Мне этих хватит. А после рождества, будь добр мне всё отдай. Ну, давай Семён – бывай! Я в клуб! Там сегодня, настоящий карнавал, – сказал Колька.

Он запрыгнул в трактор и газанув с пробуксовкой, покатил в сторону клуба.

Тем временем Семён, так обрадовался встрече со своей покупкой, что не сдержал эмоций. Решение поцеловать «звездолет» пришло быстрее, чем сработал мозг. Не успел он сообщить, что на улице мороз градусов двадцать пять. Его губы, словно намазанные суперклеем, мгновенно прилипли к холодному инопланетному металлу. Что только ни делал Семён, а отклеиться без посторонней помощи он не мог.

Достав мобильный телефон, он хотел позвонить домой жене. Телефон выскользнул из рук и нырнул в снег. Так и стоял он, вытянувшись в струнку, упираясь руками в инопланетный механизм.

– О, а кто это тут такой, – услышал Семён голос. – Ты, что ли Гутенморген? Народ в клубе веселится, а ты тут какой—то тазик лобызаешь, – сказала Нюрка, которая шла на утреннюю дойку, – И по что ты, цалуешь её?

Семён хотел что—то сказать, но лишь промычал, топая своими валенками на одном месте.

– Во, как тебя милок, пробрало— то! Это ж надо – как?!

Нюрка подошла поближе и запалив зажигалку, стала рассматривать посиневшие губы Семёна, которые в тот момент уже покрылись инеем.

– О, как тебе, лихо! Ты, не бойсь Сеня, я сейчас принесу кипяточку, и мы в твои лизуны отпарим!

Нюрка ушла. Семён сжался весь в комок, ожидая её возвращения. Ему было настолько больно и обидно за себя, за свою дурь, что он, не скрывая чувств, заплакал. Ему в тот миг хотелось быть по— волчьим, но проклятая железка держала мертвой хваткой. Долго ли, коротко ли, но Нюрка пришла в тот самый момент, когда Семён почти распрощался со своей жизнью, потеряв надежду на спасение.

– Что родимый— стоишь? А куда ты на хрен с подводной лодки денешься – то? Вон, как рожа припаялась – хрен отодрать! Сейчас я, касатик, водичкой тёплой полью, и ты отойдешь, соколик!

Нюрка из чайника стала лить воду в то место, где крепились губы Семёна с инопланетным «звездолетом». Он почувствовал, как теплая вода коснулась его «ротовых конечностей». Это нежное, словно материнское прикосновение живительной влаги, вселило в него потерянную надежду на жизнь. Рот Семёна Гутенморгена под действием теплой воды, постепенно отошел. Семён отлип. Не удержав равновесие, он завалился задом в снег. Его губы, распухли и напминали в тот миг, два огромных украинских вареника с вишней. Он хотел Нюрке что—то сказать, но вместо звука своего голоса, он услышал странные звуки. Звуки эти напоминали бьющийся об воду рыбий хвост. Его обмороженные и вытянутые губы странно прыгали перед ртом, и от них исходил не звук – это было какое— то ранее неведанное ему губоплескание.

– О, милок, как твои вареники занемели! Ты Семён, теперь похож на самого Поля Робсона! Тот тоже был на весть мир знаменитый губошлеп! Может и ты, апосля таких стрессов,

станешь знаменитым, как сам Поль? Может, в нашем деревенском хоре будешь петь? Ты же мужик видный, и красив – до безобразия, – сказала доярка. – Губы у тебя Сеня, похожи на станок для лобызания баб! Ты ж таперь своими грибами, всех девок деревенских зацелуешь до смерти, – сказала доярка и рассмеялась.

Семён осторожно трогал пальцами рот и удивлялся своему слабоумию. Раз от разу, он что—то старался сказать Нюрке, но губы не слушались его. Они болтались, и ими невозможно было управлять. Губы издавали такое шлепанье, что Гутенморген засмеялся сам. Сейчас ему было просто смешно. Рот не хотел слушаться, будто это был не его любимый рот. Он был – словно чужой. Будто— это был не тот рот, который час тому назад прикладывался к бутылке с самогоном. Будто бы это был не тот рот, который еще два часа назад целовал дома под елкой жену Анюту. Что теперь скажет она, когда увидит эти фиолетовые губы похожие на перезрелые сливы? Что подумает? Тревожные мысли закрались в голову Гутенморгена. Он даже представил себе, как войдя в дом, он получит удар скалкой по голове. И Анька заорет – заорет, на всю деревню, словно сирена гражданской обороны:

– «А, а, а!!! Где это ты шлялся, кобель ты занюханный? Кто это тебе так „грибы“ отсосал»...

Вряд ли Анька поверит, что вот так, в новогоднюю ночь, он, великий деревенский предприниматель Семён Гутенморген, прилип на ферме к инопланетному звездолёту. Вряд ли она поверит, что он не лобызался эти два часа в деревенском клубе с новенькой практиканткой, слух о которой пронёсся по всей деревне, словно курьерский поезд.

Изрядно околевав, Семён ввалился в деревенскую котельную. Нюрка к своему заработку доярки, еще прирабатывала истопником, чтобы содержать пятерых детей, которых она родила от разных мужчин. Усевшись на топчан, напротив котла, он взглянул в запятый осколок зеркала и потрогав вздувшиеся уста, простонал. Грудной рык вырвался из его нутра, напугав даже Нюрку, которая трижды перекрестилась.

– Ты мне Нюрка, шправку напр – напр – напрши! Дря моей Анюты! Напр – напрши, что я к шалезяке швоей ха – харей прилипт!

– Да! Анюта ввалит тебе Сеня, как коню германскому! На кой хрен ты полез целоваться с этой железкой? Невошь ты забогатеть так хочешь, что свою харю в такой мороз суешь туда, куда мой кобель хвост не совал? – спросила Нюрка.

– Ничехо тшы Нюрка, не понимаешь. В этой шалезяке тонн двадцать чистого люминия. А може и еще какой хрени? Шла бы ты, к своим коровам, да начинала бы доить, а то молоко перегорит. Тогда тебе председатель тошно, как коню навалит. Тшы мне шпрафку будешь пишать?

– А что я тебе напишу? – спросила Нюрка, сворачивая «козью ножку» из собственного самосада.

– А напиши так – Я, Матренкина Нюрка, настоящей шпрафкой заверяю, что Шемен Морозовф, в шкобках Гутенморген, получил проижводственную травму в виде обморожения ротовых конешностей, то ешь губьев. Поштавь свою подпишь.

Нюрка, взяв тетрадный лист, посередине вывела:

Справка.

Ниже она написала:

«Настоящая справка дана Семёну Морозову для предъявления жене Аньке, которая подтверждает, что он в новогоднюю ночь получил обморожение рта не в результате страстных поцелуев с чужими бабами, а в результате прилипания к металлическому предмету округлой формы и неизвестного происхождения (предположительно НЛО)».

– Тшы что, дура? Какой на хрен НЛО? Это же корыто для молока ш худолеффшского шыр— жавода. Мне так Шумахер шказал...

– Ты, Семён, сам дурак! Я же видала, как это корыто худолеевского сыроваренного завода над деревней летало, пока не шмякнулось к Канонихе в огород... Я давеча вышла покурить на свежий воздух, гляжу, а это корыто без звуку в воздухе висит, а потом, как полетит: туды – сюды, туды – сюды! Я думала, померещилось мне, а оно во как...

– Тшш, Нюрка, никому не гофори! Я тебя денех дам, чтоб ты молчала. Народ, как прожнает про тарелку, понаедут к нам вшыкие профессеры со швоими приборами. Шкажут, радиация у наш! Жаберуть этот тазик, да ф Мошкву швою шволокут. Они, гады ученые, фсе в швою Мошкву волокут, что крыши амбарные! А мы по вешне на этой тарелке жемлю пахать будем. Шолярки не надо, ГШМу вшыкого не надо. Прифяжем её к плухам, да айда мужички, жемлю пахать и шеять! Ты ж, Нюрка, перфая будешь картошки шажать? – прошепелявил Гутенморген, уговаривая доярку никому не говорить.

– А как же, милоч, без картошки – то? У меня пять ртов и все жрать хотят. Нет, мне без картошки никак нельзя! А коли к нам её хозяйева наведаются? Та давай нашего брата швоими лазарями, да атомами палить, да люд земной изничтожать, как когда— то германец изничтожал? Что ты тогда скажешь?

– Какие, лажари дура?! Какие, на хрен, атомы?! Видали мы их лажари! У наш такое оружие ёсь! Мы их вилами, да топорами, как наши деды германца шупоштата били! До Марса ихнего долетим и жная победы на Рейхштаг поштавим!

Долго ли коротко ли Семён спорил с Нюркой, но все же уговорил её никому ничего не говорить. Хотя сам Гутенморген знал, что уже сегодня всё село Горемыкино будет знать о нашествии инопланетного разума на российскую глубинку. Нюрка хоть и поклялась гвоздем, на котором висит портрет её дедушки белогвардейца, только для нее эта клятва ничего не стоила. Нюрка имела настолько буйную фантазию, почерпанную из книг великих фантастов, что могла к уже свершившемуся факту добавить такое, что к вечеру из Горемыкина вполне могут потянуться в район толпы беженцев.

Неистовое мычанье коров на ферме оторвало Нюрку от общения с шепелявым Гутенморгеном.

– Во, завелись, будто все разом рожать удумали! Сейчас, сейчас уже иду! – сказала она сама себе и, включив доильный аппарат, вышла из котельной на дойку.

Семён воспользовавшись, случаем отсутствия доярки, тихо вышел на улицу и приблизился к уже своему внеземному аппарату. Озираясь по сторонам, он приложил руку к пластинке. Когда межгалактическое судно распахнулось, Морозов влез в него и расположился в кресле командора корабля.

– «Шваливать надо! Бабы пойдут на дойку, да увидят мой аппарат и тогда жди гоштей иж штолицы», – сказал он сам себе, и уселся в кресло, как у себя дома перед телевизором.

Все произошло, как и прошлый раз. Аппарат ожил, приподнялся и Семён Морозов волей своего разума направил его в сторону своего дома. «Таз» послушно скользнул над снежной целиной, приподнимаясь только над заборами, кустами, деревенскими хатами и хлевами. Он, шел на минимально низкой высоте, словно старался слиться с серебристым земным покровом и лишь слегка поблескивал металлическими боками в холодном свете Луны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОБЕГ

К трем часам ночи, наступившего нового года слегка уставшая от концерта Максимовна, собрала всех доморощенных актеров и приближенных к массовой культуре в помещении «красного уголка». Запланированные новогодние торжества успешно финишировали. Теперь наступало личное время – время разговения и культурного застольного отдыха. Народ не причастный к деревенской элите, неспешно расходился по домам. Деньги, отпущенные отделом культуры района, были на этот раз освоены до копейки. Атмосфера необузданного торжества в доме культуры была переведена в состояние вялотекущих танцевальных ритмов.

Шумахер не смотря, на все приключения, вернулся в «храм культуры» нации с четырьмя бутылками самогона. В «красном уголке» былых времен, на кумачовых скатертях коммунистического бытия, словно на свадьбу, был накрыт корпоративный стол. Каждый горемыкинец, приходивший в клуб на празднование нового года, считал своим долгом принести с собой подарочное подношение завклубу и сельских актеров, занятых в новогоднем спектакле. Все дары складывалась на бильярдный стол под образами и знаменами колхоза «Красный пахарь».

Зеленого сукна на столе уже лет пять не было. Чтобы не пропадать добру, Галька – гражданская жена Сашки Зека в одну из ночей аккуратно экспроприировала сукно, очарованная его цветом и добротной фактурой. С тех пор свиновод Сашка Зек, с гордостью носил зеленые штаны, выдавая их за авторское творение Вячеслава Зайцева.

Сашка Зек был знаменит тем, что «на зоне», где он когда-то отбывал наказание, приобрел редкую специальность «кольщика». Благодаря его умелым рукам и художественному таланту, половина деревенских мужиков ходили в эксклюзивных татуировках. Они украшали их тела в различных, и даже интимных местах, которые могли радовать взор, только очень близким родственникам. Однажды по—пьянке, ради шутки напоив свинью водкой, он наголо обрил её опасной бритвой. Пока та валялась, как «свинья» в состоянии алкогольного опьянения, Саша так разрисовал «машинкой» её тело татуировками, что она стала похожа на настоящую палехскую шкатулку. На работу свинаря, прибежала глядеть вся деревня. Народ каталась покатом, умирая от смеха. Наколотые на свиных боках картинки, Сашка взял из старого журнала «Крокодил».

Выходка Зека вызвала гнев у председателя колхоза, но когда за шкуру свиньи сданной на бойню один из предпринимателей заплатил бешеные деньги, то профессия «свиного кольщика» стала для Зека основной.

С тех пор каждый рабочий день, жужжал Зек машинкой, разрисовывая деревенских «пяточков» замысловатыми хохломскими узорами, которые он срисовал из книги «Узоры русских народов севера». Свиньи из села Горемыкино стали пользоваться огромным спросом и шли на рынке по тройной цене. Сумочки, кошельки из шкур местных хрюшек, стали модными аксессуарами среди богатых дам Рублевского шоссе. С тех пор художественная «роспись» была поставлена председателем на широкую ногу. Вот так, благодаря Сашкиному умению расписывать хрюшек, словно пасхальные яйца, в село Горемыкино потянулись всевозможные торговые дилеры из известных кожгалантерейных фирм. Бюджет колхоза начал прирастать твердой валютой, а Сашка получил в народе широкую популярность. Особый спрос закрепился за молочными поросятами на тушках которых, Зек каллиграфическим почерком цветной тушью выводил вензеля, словно на праздничных тортах – «Совет да любовь», или «Саньку от Вована».

Закончив работу, Максимовна, восседала за столом в самом центре, не выходя из образа «Снегурочки». По правую руку в костюме «Деда Мороза» сидел колхозный инженер и тайный кандидат на её сердце Колька Крюков. Сквозь свисающие пейсы белоснежной шевелюры, он косился на Максимовну, нежно и ласково называя её Машенькой. Раз от разу он подливал ей «бальзам», в надежде в эту чудесную ночь разжечь в груди красавицы огонь бушующей страсти.

Максимовна, с полным равнодушием глядела на старания Николая Крюкова. Хотя, где—то в душе она мечтала не о колхозном инженере, а о брутальном самце типа «Тарзана» из самых высших слоев общества. В её планах, уже как неделю, сформировалась абсолютно иная, полная приключений жизнь. Николай Крюков в её жизни был той сухой постельной крошкой, которая мешала сбыться её планам.

«Молодырь», который висел на её полносочных грудях, открывал перед ней такие возможности, которые она не могла и даже не имела права упустить. Сдерживало Максимовну только одно: по паспорту она числилась, как глубокая и древняя старуха, а на вид она выглядела, словно молодуха из танцевального ансамбля «Березка». Этот факт, мешал ей полноценно выйти из тени подпольной жизни, и развернуться на всю катушку.

В углу под пологом из бархатного колхозного красного знамени, обняв своими хлипкими ручками гипсовый бюст Ленина, который сохранился в клубе еще со времен правления коммунистов, крепко спали пьяные гости планеты Земля. Самогон местного разлива, настолько задурманил их головы, что они не могли даже осознать, на какой планете они в данный момент находятся и для чего вообще прилетели.

– Ша, – сказала Максимовна, и стукнула так кулаком по столу, что тарелки со звоном подпрыгнули и громко опустились. – Это кто такие будут?! – спросила она у Крюкова, зная наверняка, что гуманоиды прибыли по её душу.

– Ты же их сама награждала за лучший карнавальный костюм, – ответил Крюков, колупая вилкой салат оливье.

– А почему они тут лбызаются с вождем мирового пролетариата? – спросила Максимовна.

– Ну, их Шумахер «клюквянкой» угостил. Вот они и ослабли...

– Что Шумахер, – завопил Коля. – Я что знал, что они слабы на убой. После второго стакана пришлось их тащить в самое теплое место, чтобы не околели на морозе... И так какой-то зеленью покрылись!

Максимовна встала из—за стола и подошла к бюсту Ильича. Его обнимал один из пришельцев, прижимаясь щекой к гипсовой прохладе. То ли вид разгневанной Максимовны, то ли излучение «молодыря», привели гуманоида в чувство. Он открыл свои бездонные глаза и что—то прочирикал на таком языке, который на Земле еще ни кто никогда не слышал.

Эти слова настолько тронули Максимовну, что она погладила его по лысой голове и как-то по—матерински сказала:

– Спи родимый, когда оклемаешься, тогда и по душам поговорим... Твое пьяное чирикание в нашей деревне один хрен ни кто не поймет, а толмачей у нас отродясь не было.

Гуманоид закрыл глаза и вновь отошел ко сну.

– Что, делать будем мужики? – спросил Шумахер, рассматривая гуманоидов. – Их же, наверное, жены и дети ждут?..

– Что – что допросим с пристрастием, когда очухаются! А там и решим – валить им на свою «Альфу—Центарву», или здесь остаться для расплodu, – сказал кузнец Прохор, кусая куриную ножку. – Погуляли на Земле, пора и честь знать! Бесплатно кормить дармоедов ни кто не будет! Много таких по вселенной шатается и все хотят на нашу матушку Землю – на наши харчи!

Шумахер, выслушав кузнеца, засмеялся так, что стал икать.

– Ты что ржешь, придурок, – спросил Крюков.

– Что – что! Вы тут все до последнего за их счет «горелку» пьете и новый год гуляете! Присутствующие переглянулись.

– А ну—ка поясни нам Колюня, за чей счет мы пьем, – спросила Максимовна, и за чей счет новый год гуляем?!

– За чей, за чей – за их! Я же их транспортное средство Семёну Гутенмогену сдал в металлолом! А деньги, которые он мне дал, мы уже пропили! Теперь, чтобы им тарелку вернуть, нужно или деньги назад забрать у Каноники и отдать Гутенморгену. А, как Сеня, их тарелку автогеном режет? Что тоды?! Так что не видать им своей Альфы – Центарвы, как своих ушей! Долетались! Будем их по стране возить и за деньги показывать...

– У нас на ферме третий год баб на дойку не хватает, – пробурчал кузнец Прохор. – Пусть работать идут...

– Правильно! Туда и определим гуманоидов! Пусть они, коров за сиськи дергают, да на жизнь себе зарабатывают! Может они нам настоящий социализм построят?! – сказал Крюков, – а не какой – то там заморский...

Он налил в рюмку самогона и запрокинул стакан в рот. А выпив, сказал: – Вот поженим их на Нюрке! Она нам будет детей индиго плодить. Хоть кто—то потом в этом колхозе головой работать будет...

– Правильно говоришь Крюк! – крикнул Сашка Зек, – Я вот на свинарнике, как папа Карло навоз выгребаю. Провонялся уже до самых костей. Пусть пришельцы там поработают. Не хрен на халяву нашу водку употреблять! Я хочу блатным быть! Хочу сидеть на шконаре, и жизни радоваться. Я что зря зону тапочками топтал?!

Максимовна сняла с головы кокошник, и надела его на голову спящего гуманоида.

– А ничего – посмотрится! А ну Николай, сфотай меня с этими пришельцами... Когда еще будет такая возможность...

Николай снял с головы шапку «Деда мороза» и надел на другого спящего инопланетянина.

– А вот теперь у нас полный комплект, – сказал Крюков.

Он достал смартфон и сделал несколько фотографий Максимовны, которая сидела посередине между гуманоидами и улыбалась, обнажив жемчужины зубов.

– Я мужики, после новогодних каникул поеду в Москву! Там эти фотки покажу. У них в столицах есть все, а вот настоящих инопланетян у них нет...

– Во как, – сказал Крюков, – а как же мы?

– А вы Коленька, будете этих пришельцев учить землю пахать и коров доить. Мне надоело на ваши пьяные рожи смотреть. Нам своих пьяниц хватает, а тут еще эти понаехали. Уеду у вас! Мне размах нужен...

Услышав неприятную для себя новость, Крюков посмотрел на Балалайкину, и с болью в груди сказал:

– Жаль... Ты ведь Машуля, даже не успела в нашей деревне корень пустить, а уже смаываешься?! Что так?! Может, среди нас достойных мужиков нет?

Максимовна откусила кусочек маринованного огурчика и похрустывая, сказала:

– Нет – Колюня, среди вас достойных! Нет – и никогда не будет! Надоело, жуть как! Куда ни глянь – одна лишь пьянь! А я хочу жизни красивой и полноценной, как у Волочковой. Хочу на сцене петь и жить на полную катушку, как Алла Пугачева, чтобы у меня – аж дух захватывало!

– Какие парни в Москве – дурочка, сиди уже! Там одна голубизна! – сказал Шумахер. – А у нас хоть гуманоиды теперь есть, а там таких нет...

Максимовна посмотрела на него такими глазами, что тот, опустив глаза в «селедку под шубой», сделал вид, что ест.

– Я хочу попасть на конкурс «хрустальный голос России»! Хочу петь! Хочу славы, хочу денег! Буду петь и на вас из телевизора глядеть, как вы тут самогонку пьете...

– Машуля, а ты возьми себе этих – для подтанцовки, – сказал Прохор. – Они в своих шмотках больше похожи на балерунов, чем на инопланетян...

– Ты Прошка, что с головой не дружишь? Какая подтанцовка! Да их сразу ФСБ за жабры и в стойло, – сказал Шумахер. – Они же теперь, как хлобкоробы из Таджикистана – гастарбайтеры! Им бляха медная, документы нужны...

– Не гастарбайтеры, а гости инопланетных цивилизаций! – поправила Максимовна. – Нам надо дружить с ними, а то вдруг они надумают войну объявить, или наш колхоз колонизировать...

В этот самый момент в клубе появился местный участковый. Майор Бу— Бу вошел в клуб в самый разгар общенародного гуляния. Отряхнувшись от снега, он снял форменный полушубок, и молча вытащив из планшета бутылку «гарелки», сказал:

– Всех поздравляю бу, с новым годом! Желаю, бу, богатства и уважения к правопорядку...

Сашка Зек, уважив участкового, подвинул ему табуретку и ехидно так сказал:

– Господи, неужели, я дожил до этих счастливых дней! Начальник сам лично желает нам денег и счастья!

Майор Бухарцев по кличке Бу— Бу осмотрелся, и, увидев спящих в углу инопланетян, спросил:

– А это кто такие бу— бу— будут?

– Да так, залетные какие— то, – ответила Балалайкина. – В клуб на новогоднюю дискотеку пожаловали с целью приобщения к культурным традициям российской глубинки...

– А документики у этих пришельцев есть, или они как бомжи – без документов?!

– Судя по их костюмам, документов у них нет, – сказал Крюков. – Тут и спрятать их некуда. Вон тряпки на них какие облиплые, словно бабские лосины. Куда ни сунь, все наружу выпирает!

– А что это они, бу—бу зелененькие?! Не уж— то отравились чем?! – спросил майор, пристально рассматривая «внеземной разум» сквозь лупу, словно Шерлок Холмс.

– Ну, так они нашей «клюковки» наклюкались! Тут товарищ майор, такое дело, как наклюкаешься, так не только позеленеешь, но и серо— буро малиновым станешь! – сказал Коля Крюков, запихивая в рот соленый помидор.

Он в забытии как— то неловко надавил на него зубами и в этот миг помидор лопнул. Сидящий напротив Санька Зек, в мгновение ока покрылся зеленой помидорной массой.

– Во, майор глянь, Зек у нас тоже зеленый гуманоид! – сказал Крюков, и заржал, как кастрированный мерин.

Не скрывая злобы, Зек вытер свою физиономию рукавом и вклеил «деду морозу» прямо в красную пробку от заморских духов, которая болталась на резинке вместо носа Крюкова. «Дед мороз» не удержался на табуретке и упал на пол, запутавшись в театральных нарядах.

– Ты Крюк, скотина, – помидоры жрать не можешь! Да я таких как ты, – на зоне...

Майор Бу— Бу, сидевший по левую руку от Зека, стеганул его ладошкой по лысой голове, так что у того чуть не осыпались латунные фиксы, которые он надевал на народные гуляния.

– Цыц, урка, бу! Я на тебя, бу— бу, сейчас протокол составлю, за нарушение бу, общественного порядка...

– Начальник! Век воли не видать! Крюк первый начал! Я что ему – какой поц, чтобы меня вот так можно изгадить. Всю харю мне рассолом залил – конь германский!

Максимовна, услышав от участкового про документы, тут же смекнула. Майора Бу— Бу надо было немедленно брать «за жабры». С его помощью она могла решить свои проблемы и заменить старый паспорт на новый.

– Что—то мне жарко стало, – сказала она, скидывая с себя наряд Снегурочки.

Балалайкина выкатила перед участковым полные сока и любви груди, и томно вздохнула, привлекая к своим «охмуряторам» внимание участкового.

Бу— Бу, искоса поглядывая на выпирающий бюст Балалайкиной, изначально старался всей душой сопротивляться соблазну, но его сопротивление было не долгим. После второго стакана он окончательно сдался, и уже был готов припасть к груди Снегурочки. Воспылав любовью, участковый инстинктивно вытянул свои губы в «трубочку», представляя, как целует её в сосцы. Максимовна, почувствовала неумное желание майора добраться до её плоти и она мгновенно решила воспользоваться ситуацией, ради достижения своей цели.

Подмаргивая бархатными ресницами, она подала майору тайный знак. После чего встала из— за стола и вышла освежиться на улицу. Бу— Бу, как жирный карась «клюнул» на её уловки, словно на макуху. Ничего не подозревая, он вышел на улицу следом за Максимовной.

Крюков, увидев ухаживания участкового за Снегурочкой, понял, что майор не отстанет, пока не добьётся своего. Он достал мобильник, и набрал номер телефона жены Бу— Бу. Тонким женским голосом сказал:

– Алло Петровна, а твой участковый дома? Ах, на службе! А это не он сейчас возле клуба новенькую завклубом зажимает?

Через три минуты майор ворвался в кабинет. Схватив полушубок, шапку и планшет с протоколами, он исчез, ничего не говоря, словно его и не было.

Следом за ним на крыльцо клуба вышел Крюков. Инженеру предстала картина, которая могла стать достоянием кинематографа. Жена майора Бу— Бу, вооруженная дубиной, гнала майора домой. Она била его палкой то по голове, то по ребрам с такой силой, что после каждого удара Бу – бу приседал, хватался за поясницу. Продолжалось это до тех пор, пока он не протрезвел. Взбив облако снега, он стартанул с такой скоростью, что в мгновение ока исчез в темноте, оставив жену один на один с ночью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЭРОТИЧЕСКАЯ

Зиновий Шнипельбаум, был в районе единственным фотографом, способным разрешить проблемы Максимовны. В эпоху всеобщей паспортизации населения, пропихнуть в паспортный стол фальшивку, а взамен получить новый документ, не составляло никакого труда. Если за дело брался хитрый парень по имени Зяма – успех был изначально гарантирован.

Новогодние каникулы подошли к концу. Деревня Горемыкино, как подобает российской глубинке, погрузилась в суету колхозных буден.

Максимовна, с нетерпением дождавшись конца праздников, первым делом помчалась в район к фотографу, чтобы запечатлеть свою физиономию, для нового документа.

– Что, девушка, желает? – спросил Зяма, вытирая руки вафельным полотенцем с бурыми пятнами от проявителя.

– Я к вам, вот по какому делу. Мне нужны фотографии на паспорт, сказала Максимовна, просачиваясь внутрь фотоателье.

– Проходим, расчехляемся, готовимся, – сказал Зяма стандартными фразами.

Максимовна, скинув с себя куртку, поправила перед зеркалом волосы и уселась на табурет, стоящий напротив белого фона.

– Как мимолетное ведение, как гений чистой красоты, – сказал Зяма, стараясь приподнять настроение клиентке. – Так внимание, смотрим на этот пальчик, сейчас вылетит...

– Птичка, – сказала Максимовна, расплываясь в улыбке.

– Птеродактиль сударыня, – ответил Зяма, нажимая на кнопку фотоаппарата.

В тот самый миг, сквозь объектив, он увидел на груди Максимовны камень невиданный чистоты и красоты. В его голове мгновенно образовался вакуум, и он подумал той частью мозга, которая не успела съежиться от такой неожиданности:

– «Бриллиант»!?

Он навел объектив прямо на «молодырь», стараясь, как можно крупнее и подробнее снять это чудо вселенной. Камень сиял. Он завораживал. Он был такой чистоты и лучезарности, что сердце Зиновия замурлыкало, от навалившейся на него удачи. Несколько раз фотограф пыхал фотовспышкой, стараясь найти нужный ракурс. В тот момент, когда Балалайкиной надоело, и она уже хотела уйти, Зяма сказал:

– Все готово!

– А когда карточки, – спросила Балалайкина.

– Сейчас, сейчас будут готовы, – ответил фотограф, и подключив фотоаппарат к компьютеру с головой ушел в монитор, редактируя и без того прекрасный образ Максимовны. Его трясло от увиденного, как трясет рябину на сильном ветру. Ему страстно хотелось потрогать «молодырь». Хотелось на него подышать и даже потереть о рукав, чтобы убедиться, что это он – бриллиант.

Распечатав на принтере фотографии, он подал их Балалайкиной, и как бы невзначай, сказал:

– Это у вас, стразы от Сваровски?

Максимовна удивленно глянула на фотографа и, не поняв его, переспросила:

– Стразы от чего?

Зяма, поняв всю глубину отсталости барышни, ответил:

– Девушка, я спросил вас – это у вас стразы от Сваровски? Это такая фирма, которая выпускает стеклянную бижутерию.

– Нет, голубчик – это лунный камень от Дарта Вейдера, – ответила Максимовна. Она рассчиталась за фотографии, вышла на улицу, оставив фотографа в полной прострации.

Зиновия в этот миг, словно ударило током. Он выскочил следом за ней и прокричал, боясь упустить последний шанс:

– Девушка, вы забыли...

Максимовна обернулась.

– Что я забыла?

Заикаясь и задыхаясь от волнения, Зяма сказал:

– Сдачу!

– Вы ж мне сказали – сто пятьдесят, я вам сто пятьдесят и подала.

– Я забыл, что сегодня у нас день «любимого клиента». Скидки на фотографии на паспорт пятьдесят процентов.

Балалайкина удивленно хмыкнула и вернулась в фотоателье. Зяма Шнипельбаум задыхаясь от возбуждения, закрыл входной замок и повесил табличку с надписью – «Технологический перерыв 20 минут».

Он достал из кассы деньги и подал их Максимовне.

– Может барышня, мы с вами эротическую фотосессию сбачаем?! Я могу вам бесплатно сделать портфолио, как на журнал «Плейбой», или даже еще круче?!

В эти секунду Максимовну озарило. Чудные современные иноземные слова «фотосессия, портфолио» завораживали и в тоже время пугали некогда бывшую колхозницу.

– А что это за хреновина такая, ваше портфелио? – спросила Машка, заинтригованная удивительным словом.

– Это солнце мое, альбом с фотографиями! Индивидуальные портреты невиданной красоты, отражающие вашу женскую стать и духовную сущность! Неизменный, мадам, атрибут при приеме на работу в солидные фирмы Москвы и всей России!

– Это мне нужно, – ответила Максимовна, – Давай, касатик, трудись над своими портфелиями, – сказала она и скинув куртку, прошла в фотосалон.

Зиновий Шнипельбаум с трясущимися руками прыгнул к своим тайным закромам и достал дорогой японский фотоаппарат, который был его гордостью и его достоянием. Он включил все софиты и томным эротическим голосом, сказал:

– Раздевайся, детка, Зиновий Шнипельбаум, будет из тебя богиню «Плейбоя» ваять!

Максимовна, ничего не поняв, вклеила фотографу оплеуху. Тот, отлетев в угол своей студии, чуть не заплакал от обиды.

– Я тебе покажу, раздевайся! – орала она, наступая на Зяму, – Ты у меня, так разденешься, что тебя ни мама, ни папа тебя не узнают! Извращенец!!!

Шнипельбаум, забившись в угол, прокричал:

– Стоп, стоп, стоп!

Максимовна замерла в тот момент, когда её рука, схватив со стола бронзовый канделябр, занесла его над его головой тщедушного еврея.

Впервые за долгие годы работы фотографом, эротическая фотосессия стала для Зиновия настоящим кошмаром.

– Ты, что творишь, идиотка?! Ты фоткаться пришла, или меня хочешь тут уконтрапупить?! – заорал Зяма, впадая в панику. – Я сейчас полицию вызову. Ответишь мне за нападение при исполнении служебного долга!

Максимовна замерла. Она поставила канделябр на место и горько заплакала:

– Я думала, ты, меня хочешь невинности лишить, – сказала она и присела на стул. – Я же еще ни разу...

– Мне твоя невинность нужна, как корове парашют! Я же фоткать тебя собирался в жанре ню! Женщина не должна бояться. Она должна целиком и полностью доверять двум мужчинам— гинекологу и фотографу...

– А что такое это твоё ню?

– Это чувственные фотографии обнаженного женского тела. Игра света и тени. Тайнство невинности и взрыв страсти...

– А, а, а! Так ты бы мне и сказал, что хочешь меня голую сфотать! А я, дура, думала, что ты меня силой решил взять, – сказала Максимовна и рассмеялась, вытирая слезы носовым платком.

В какой—то момент, Маша успокоилась. Она улыбнулась и скинув с себя кофту, соблазнительно обнажила свою грудь, растягивая рот в улыбке.

– Так пойдет, – спросила она.

Челюсть Зиновия от такой смелости клиентки «упала» на пол. Инстинкт самца, суровой и стальной рукой схватил его за тестикулы. Внизу живота все пришло в движение. Но этот камень, висящий на груди девушки, вернул его в «колею», задушив все природные инстинкты. Его взгляд вновь уперся в драгоценный «молодырь». Каким— то чутьем Шнипельбаум почувствовал, что от камня исходит удивительная сила. Будто сам Моисей говорил ему: «Возьми меня Зяма, и тебе будет счастье! Ты станешь самым влиятельным, самым властительным евреем на всей планете Земля». Казалось, что глаза Зиновия в этот миг просто выпрыгнут наружу от удивления и лопнут от созерцания драгоценности. Максимовна, словно растворилась в воздухе, оставив вместо себя огромный и сверкающий «бриллиант». «Нубирит» удивительной красоты и чистоты не просто манил его – он приковал его взгляд. В своей голове Зяма просчитал его стоимость по ценам Нью— Йоркской алмазной биржи и был ошарашен еще больше.

Зиновий Шнипельбаум не был бы русским фотографом Зямой Шнипельбаумом, если бы не любил подобные камни больше, чем божественные женские прелести. Он знал, что даже в целом районе и даже в области не хватит денег, чтобы выкупить у Максимовны сей драгоценный кулон. Правда, даже это отсутствие у него «резервных фондов» не могло остановить в достижении своей цели. Вот тут и началось самое интересное действие, которое он мог себе позволить.

Фотограф Шнипельбаум не знал удивительных ств этого камушка, не знал и не ведал, что ни за какие деньги Максимовна не сможет расстаться с ним. И даже не за его чистоту и красоту, а за то, что камень этот даровал ей новую, совсем иную жизнь и необыкновенную харизму, которая подавляла волю любого человека на этой планете.

– Занимательная безделушка, – как бы ненароком сказал Зяма. Он навел на него объектив и взял кристалл крупным планом.

– Это у нас наследственное. У моей бабушки сиськи тоже были четвертого размера, – соврала Мария.

– Я мадмуазель, не про ваши эффектные груди! Я про камень, – сказал он, засопев, от волнения, словно кабан перед соитием.— Продается? Хорошую дам цену! Ну, рублей, тысяч пятьдесят! Пойдет?

– Нет – товарищ фотограф, эта штучка – не продается! Это же бабушкина память, – ответила Максимовна, чуя своим сердцем какой—то подвох в словах хитрого еврея.

Зиновий, был вне себя. Он прыгал перед девушкой, словно обезьяна по клетке зоопарка. Шнипельбаум старался изо всех сил угодить, чтобы поближе подобраться к вожаденному камню. «Завладеть» – камертоном стучала мысль в его голове.

– Сто тысяч дам и ни копейкой больше, – сказал Шнипельбаум, в надежде, что, услышав столь значительную сумму, девчонка мгновенно сдастся, выкинув свои трусы, словно белый флаг капитуляции.

– Не продается! – твердым голосом ответила Машка. Она косо взглянула на фотографа. Тот в одно мгновение понял, что Максимовна какой—то неведомой силой вдавливают его в землю, делая его жалким рабом.

Сердце Зиновия заныло.

– «Переборщил» – сказал он сам себе, и тут же сделал лицо, отображающее полное равнодушие. – Ваша стекляшка барышня, таких денег не стоит! Признаюсь честно – хотел купить для себя, как реквизит для фотосессий! Для работы, так сказать с представительницами прекрасного пола. Ему цена— то: от силы тысяч тридцать... Это ведь стекляшка...

– Вот и чудесно, – сказала Максимовна одеваясь. – Когда прийти за портфелями?..

– Завтра – завтра ваше портфолио будет готово, – улыбаясь сквозь силу, ответил Зиновий. – Ваше имя, фамилия, адрес? – спросил он, заполняя квитанцию.

Максимовна назвала свою фамилию и имя, совсем не задумываясь, что Зяма, уже этой ночью наберется смелости и тайно посетит Горемыкино в поисках кристалла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПАСПОРТ

На следующее день Балалайкина с самого утра стояла под дверью местного фотосалона. Ей не терпелось получить фотографии. Проблема паспорта, пудовой гирей тянула её за ногу. Новая жизнь вносила свои коррективы, и Балалайкина в образе молоденькой красавицы просто не могла жить иначе. Ей не хотелось дожидаться в своем захолустном доме прихода смерти, как это делали её старинные деревенские подруги. Она прыгала, греясь около фотоателье Зиновия Шнипельбаума, дожидаясь, когда оно откроется. Ровно в девять утра двери фотосалона открылись. На пороге с «фонарем» под глазом, стоял удрученный ночными приключениями фотограф. Он потягивался после бессонной ночи, прикладывая к подбитому глазу медный пятак петровских времен.

– Здравсте... Я за фото! – сказала Максимовна, широко открыв рот при виде темно—лилового синяка.

– Проходите, – гордо ответил он.

Разве мог тогда Зиновий поведать Марии, как он ползал всю ночь по заснеженному огороду старухи в поисках скрытного подхода к дому. Как, переминаясь с ноги на ногу, стоял в январский мороз под её окнами, всматриваясь сквозь заиндевевшие окна в черноту дома. Как лелеял надежду еще раз увидеть этот великолепный и вожделенный кристалл.

Не мог он рассказать ей, как встретился нос к носу с пьяным Николаем по кличке Шумахер, который шел он в обнимку с пьяными ряжеными и на всю улицу горланил песню:

– «Эх, мороз, мороз не морозь меня! Не морозь меня а— а— а, моего коня!»

Не мог Зяма, да и не хотел рассказывать, как злые колхозники вместе с Шумахером били его «пудовыми» валенками в живот, приговаривая при этом, что он домашний зверь с бородой и рогами и лицо не традиционной сексуальной ориентации. А били Зяму за то, что он подсматривал за молоденькой девушкой в окно. А еще за то, что он никого из них он не уважил, когда его попросили закурить.

– С портфолио барышня, вам придется подождать. Будет готово только завтра. Сами видите, ночью по нужде вставал да в косяк головой врезался, жуть, как мне сейчас больно, – сказал фотограф. Он приложил к синяку огромный медный пятак и глубоко вздохнул, подчеркивая свою не трудоспособность.

– Ладно, валий! Завтра за портфелями вернусь! – сказала Максимовна, – Я слышала ты, касатик, можешь мне новый паспорт справить?

– Могу, – ответил Зиновий, стараясь удержать около себя молодую и богатую клиентку.

– Тогда делай дело – я оплачу! Хорошую цену дам! На похороны себе собирала, – проговорила, как бы случайно Машка.

Зиновий не мог пропустить этот момент, мимо ушей и тут же смекнул. Озираясь по сторонам, он осмотрел улицу, как бывалый «большевистский подпольщик» и пропустил Максимовну в фотоателье.

Еще в недалекие годы застоя, Зиновий Шнипельбаум промышлял подделкой лотерейных билетов общества «Добровольного содействия армии, авиации и флоту». Звезд с неба он не хватал, богатства не нажил, да и за ценными выигрышами особо не стремился, чтобы не быть уличенным в преступном деянии. Благодаря умению своих «золотых рук», на булку с маслом и икрой он имел систематически. И это положение удовлетворяло его.

– Ты мне, сокол ясный, карточку замени, и год рождения исправь, а остальное пусть будет, как есть, – сказала Максимовна, подавая Зяме паспорт. – Мне ведь другого не надо...

Зяма, включил кофеварку, достал школьный микроскоп, приобретенный у школьного сторожа специально для таких дел.

– Сейчас барышня, мы с вами кофейку выпьем. А потом приступим к филигранной работе.

Максимовна скинула с себя куртку и шарф, после чего присела к краю рабочего стола фотографа.

– А у вас тут хорошо – уютненько...

– Да уж, фортуна меня не обижает, – ответил Зяма, стараясь флиртовать.

Он открыл паспорт и вслух прочитал.

– Балалайкина Мария Максимовна...

– Это моя бабушка, – сказала Максимовна. – Я хочу по её паспорту в банке кредит получить, на открытие своего бизнеса, – наивно улыбаясь, сказала Балалайкина.

– Каждому своё, – ответил Зиновий. – Главное, чтобы мое имя, ни где не всплыло...

– Могила!!! Я вам, гарантирую, – ответила Максимовна, засветив пачку денег.

Зяма, переложил листки паспорта какими– то странными каменными пластинками с китайскими иероглифами, стянул документ между двух пластиковых пластин и вложил его в микроволновку.

– Не сгорит, – спросила Балалайкина.

– Что Маша, сгорит, то никогда не сгниёт, – ответил Зяма, и включив аппарат, засмеялся удачной шутке. – Надо равномерно нагреть пленку, чтобы отделить её от бумаги.

Пока он пил с Балалайкиной кофе, паспорт грелся в микроволновой печи.

Каким– то хитрым инструментом он подцепил пленку и стянул её с листа, словно «чулок». Аккуратно под микроскопом он, приклеил другое фото, исправил год рождения и после всех манипуляций повторно заламинировал страницы, как прежде.

– Это, что – так быстро? – спросила Максимовна.

– Доверять барышня, надо профессионалам, – с гордостью сказал фотограф. – Я на этом деле не одну собаку съел!

Максимовна смотрела на паспорт и была в восторге. Еще три месяца назад, она была дряхлой старухой, а сейчас— сейчас она держала в руках документ с новым фото и новым годом своего рождения. В эпоху всенародной паспортизации страны, вряд ли кто из работников паспортного стола местного РОВД стал бы присматриваться к документу старухи, надеясь обнаружить в нем фальшивку. Это как раз был именно тот случай, когда столь щепетильное массовое мероприятие в рамках всей страны притупляло бдительность органов внутренних дел.

Через пару дней после внесения изменений в паспорт, Максимовна, с благоговением держала в руках документ, дающий ей «путевку» в новую жизнь. Это было поистине настоящее человеческое счастье, обрушившееся на нее так же неожиданно, как и её вторая молодость.

Уехала Максимовна из деревни вечером, оставив несостоявшихся женихов в полном недоумении. Коля, узнав, что его Машка покинула село, запил. Снегурочка была не только его партнером по сцене, она была желанным партнером, о котором он мечтал все эти годы.

Отойдя от двухнедельного запоя, пришельцы с планеты «Нубира», в какой–то миг одумались и вернулись к нормальной жизни.

Сюрпризом для них стало исчезновение Максимовны вместе с символом вселенской власти. Гуманоидам было невдомек, как всего лишь в одной деревне они лишились не только чудодейственного кристалла властителя, но и своего корабля, который пропал, словно его никогда и не было. Серия неудач свалившихся на их головы поверг внеземной разум к более активным действиям. Оценив обстановку, гуманоиды решили доказать дремучим землянам, что цивилизация «Нубира» является самой развитой цивилизацией во всей вселенной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СУХОЙ ЗАКОН

Ни кто из горемыкинцев не знал, да и не могли даже додуматься, что месть представителей чужой цивилизации за «горячий прием», не заставит себя ждать. После «незабываемых» зимних каникул, где они, потеряв все силы, еле— еле отошли от земного гостеприимства. Мужики поначалу сочувственно относились к пришельцам, стараясь любыми способами вывести их из коматозного состояния. Как казалось, гуманоиды были безобидны и наивны, словно дети. Но это только так казалось. На самом же деле, их черепные коробки скрывали настолько извращенные методы ведения «войны», что местные жители даже не ожидали подобного. И вот, наступил тот день, который горемыкинцы прозвали апокалипсисом. Позже, об этом странном происшествии могла отозваться вся мировая пресса, но благодаря государственным спецслужбам, удалось остановить утечку секретной информации.

Ужас и хаос спустился на бrenную землю колхоза «Красный пахарь», заставив землян пересмотреть свое отношение не только к себе, но и к самой матушке— природе.

Что включили пришельцы, так и осталось загадкой не только для местных жителей, но и всей академии наук России.

Именно в тот день, когда Максимовна укатила покорять Москву, во время очередного сеанса самогонварения, Канониха обнаружила, что из аппарата вместо алкогольного напитка, течет странная жидкость по вкусу и запаху больше похожая на жидкие кошачьи фекалии. Как ни старалась старуха выдавить из медного «змеевика» хоть каплю легендарного напитка, у нее ничего не получалось. В ярости баба Таня сыпала в дрожжи сахар, мешала все деревянной лопатой, крутила брагу в стиральной машине, но все было тщетно. Вместо ароматной – хлебной браги у нее получалась сладкая, гадко пахнущая патока, которая была пригодна не для приготовления водки, а для уничтожения колорадского жука методом глобального опрыскивания. Вся технология в один миг разладилась. На почве этих неприятностей старуха впала в прострацию.

Позже стало известно, что результатом мгновенной «порчи» алкогольной продукции, стала не природная аномалия, и даже не парад планет, а инопланетный гипнотический ретранслятор. Прибор испускал волны низкой частоты, от которых в головах людей наступало всеобщее помутнение рассудка. Чтобы пресечь глумление над своим здоровьем, пришельцы решили эту проблему радикально. Там где стояло правление колхоза «Красный пахарь» – на крыше располагалась антенна сотовой связи. К ней то и был подключены «инопланетные технологии» в результате которых, «гипнотическое облако» накрыло весь район. Эта эпидемия коснулась не только точек местных производителей, но и процветающее в плане продажи алкоголя государственное «сельпо».

Первым, кто опробовал на себе инопланетные «психотронные технологии», был кузнец Прохор. Еще с вечера в его тайных закромах пылилось полбутылки самогона, который он заработал по случаю халтурки, подвалившей ему накануне. С самого спросонья, когда в русской печи на сковороде млела глазунья из двенадцати яиц с салом и докторской колбасой, Прохор по— привычке, выработанной долгими годами, приложился к граненому стакану и...

Кирзовый сапог сорок седьмого размера вылетел из дома со скоростью и воем военного бомбардировщика. Следом за сапогом полетел чугунок с куриной мешанкой, да еще несколько других предметов русского деревенского быта. Следом за всем этим скарбом из дома, широко растопырив юбку, словно парашют, вылетела его престарелая маманя. Словно матерый десантник, она выскочила прямо в открытые двери хаты, будто из рампы самолета. Испуганная ревом

сына, старуха крестилась в полете, полагая, что в его душу вселился дьявол. После взрыва бешенства, далеко по селу пролетел раскатистый рык кузнеца. Так только мог орать не кузнец, так орал в кино огромный Кинг— Конг, которому дверями прищемили яйца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.